

ВИКТОРИЯ ВИТУОРТ

ДОЧЬ ВОЛКА

КНИЖКА
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Середина IX века... Совсем скоро Йорк падет, захваченный викингами... А пока король отправляет с тайным поручением в Рим Радмера из Донмута, лорда прибрежных земель Нортумбрии – сурового края англосаксов и морских разбойников. Юной Элфрун после отъезда отца предстоит взвалить на свои плечи заботу о поместье и подданных. Она видит свое призвание в том, что под силу не всякому мужчине. Но в борьбе за престол королевства слишком многие захотят завладеть землями Донмута и сердцем их прекрасной хозяйки... Элфрун предстоит стать наживкой в королевской ловушке!

Виктория Витуорт

Дочь Волка

© Victoria Whitworth, 2016

© Shutterstock.com / kiukson, Fotoatelier, Fotokvadrat, Irina Braga, обложка, 2017

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,

2017

Посвящается Стелле, моей яркой звездочке

25 марта 859 года. Праздник Благовещения

Первый день нового года. Время, чтобы оглянуться назад и подвести какие-то итоги. Летописец изготавливал себе новое писчее перо – короткими точными движениями острейшего лезвия своего перочинного ножа срезал наискосок его кончик и затем расщепил его. Закончив, он одобрительно взглянул на результат своей работы, после чего окунул отточенное острие в небольшую плошку с чернилами из чернильных орешков, дал паре лишних капель стечь обратно в иссиня-черную лужицу и только после этого нанес первый штрих на чистый лист пергамента.

Вверх под наклоном. Снова вниз. Поперечная линия. Строго вверх. Вниз по кривой. Постепенно набирая скорость по мере того, как рука привыкала и приспосабливалась к новому перу, к консистенции этой партии чернил, к слегка шершавой поверхности выделанной телячьей кожи.

DCCCLVIII от Рождества Христова. В этом году...

Его писчее перо было изготовлено из махового пера дикого серого гуся; даже в таком виде, когда оно стало оголенным и его приспособили для письма, рука чувствовала его упругую силу и надежность. Уже конец марта, и как раз сегодня утром он видел первую большую и угрюмую стаю этих птиц, снова возвращающихся на север, пролетая по хмурому небу Нортумбрии куда-то к неизвестным местам их летних жилищ. Сегодня был подходящий день для новых начинаний. Годовщина первого отделения тьмы от света и день, когда на смену катастрофе падения Евы пришла благая весть – заветное «*Аве*»^[2], услышанное Марией из уст ангела.

Вздохнув, он снова опустил глаза на практически пустой лист. *В этом году...* Каким мощным было желание оставить какую-то вежу, какую-то запись чернилами на пергаменте, словно следы шагов на песке. И сколько пройдет времени, прежде чем какая-нибудь небольшая волна, предвестница мощного прилива, перекатится через этот стол, эту комнату, эту большую церковь, смывая все следы?

Он задумался над событиями последнего года, над новостями, которые приносили сюда легаты и королевские посланники, приходившие по старым дорогам, а также купцы и моряки, приплывавшие к речным причалам Йорка, посреди которого, словно паук в центре своей паутины, высился кафедральный собор.

Пора снова макнуть перо в чернила. Рука застыла в воздухе – он колебался, сомневаясь, что из всего этого стоило того, чтобы о нем написать. Относительно некоторых событий принять решение было достаточно просто. Смахнуть лишнюю каплю чернил, небольшая засечка, штрих вниз с сильным нажимом...

В этом году умер король пиктов Киниод ап Алпин, а также король западных саксов Этельвульф Экгбертинг. Их троны наследовали Домналл ап Алпин и Этельбальд Этельвульфинг.

Топорная фраза: нужно было сначала продумать ее, а потом уж писать. Всегда с ним так – история всей его жизни. Ладно, ничего, смысл и так достаточно понятен.

Также в этот год язычники сожгли собор в Туре.

Он вытер кончик пера о клочок ткани и уставился на побеленную стену перед собой. Ему казалось, что очень немногое стоило его труда, стоило быть записанным в летописи. Ну кого, скажите на милость, могут заинтересовать мелкие события, которыми для него был отмечен последний *annus domini*^[3]? *В этот год девушка подарила мне цветок в мартовские календы*^[4]. *Лицо ее и грудь были покрыты веснушками. Глаза ее были голубыми – их вид по цвету напомнил мне яйца певчего дрозда.*

А как насчет того, что не произошло? В этот год не было голода, не было мора скота. Язычники были где-то в других местах. Это все, конечно, уже само по себе было чудом.

Он ни разу не был в Туре, а теперь, вероятно, у него уже никогда не будет такой возможности.

Мелкие события, не стоящие того, чтобы о них писать. В этот год Ингельд, вопреки своим убеждениям, стал священником и получил назначение в аббатство в Донмуте.

Он провел мягким нетронутым кончиком пера у себя под тщательно выбритым подбородком и, улыбнувшись ласковому прикосновению, закрыл глаза, чтобы лучше представить себе сильную птицу, летящую на фоне солнца на север, в сторону страны света – Гипербореи^[5]. Интересно, какой видится этим гусям Нортумбрия? Дельта реки – эстуарий, – давшая имя этой земле, целый веер притоков, холмы из мела, известняка и гравия, протянувшиеся на север и запад до самого моря, холодные северные воды, омывающие эту землю, территорию Дамбартона и владения пиктов. Как далеко на север доносило это податливое перо своего прежнего хозяина? Его воображение заблудилось и утонуло в ослепительном блеске снегов и солнца.

Он снова медленно открыл глаза, вернувшись в свой прозаический мир каллиграфического наклона и чернильницы из рога, писчего пера и ножа, побеленной стены напротив. Как здорово было бы улететь вместе с гусями! Увидеть зарождающиеся бури, места, где сосредотачиваются армии, гавани, где скрываются в засаде разбойники – «морские волки», а затем, устремившись вниз, подслушать изменнические речи заговорщиков, шепчущихся в коридорах и будуарах и думающих, что их никто не слышит. Чтобы вся Нортумбрия со всеми ее холмами и водными путями была как на ладони.

Он улыбнулся и покачал головой. Нет, это мечта для государственных мужей и воинов, людей вроде его брата. А он был бы более счастлив, если бы, поймав крыльями ветер и наслаждаясь изысканным восторгом такого момента, смог бы взглянуть на край света.

1

– До конца поля и обратно? – Атульф совсем запыхался – щеки порозовели, а из-под неровно подрезанной челки возбужденно блестели глаза.

Элфрун подумала, что сейчас он похож на одного из этих взъерошенных пони, которых он держал под уздцы и которым было жарко в своих ворсистых зимних пополах под весенним солнцем конца Пасхальной недели.

Она кивнула:

– Спешиться и вновь запрыгнуть на лошадь три раза, разворот у куста боярышника,

потом снова финиш здесь. – Она сделала широкий жест рукой. – И я еду на Маре. – Она сразу предъявила права на их общую любимицу и, бросив быстрый взгляд на своего кузена, заметила, что тот начал хмуриться и тут же оттопырилась его мягкая нижняя губа.

– Давайте! – Двое других мальчиков, принявших вызов, уже подталкивали своих лошадок на стартовую позицию в нескольких ярдах от них.

Одного из них она даже немного знала, видела его на других весенних праздниках и праздниках урожая; только вот земли его отца находились в далеком Элмете^[6], в нескольких днях пути от ее родного Донмута. Второй был незнакомцем: высокий парень со спокойным лицом, на гнедой кобыле. Они подъехали всего несколько секунд назад, когда скачка только еще планировалась.

Интересно, даст ли Атульф волю своему гневу на глазах у этих чужаков? Элфрун внутренне сжалась, но все равно властным жестом взяла поводья Мары.

Однако кузен удивил ее.

– Как пожелаешь, – сказал он и потянул к себе второго пони, Эппл.

Но на самом деле смотрел он не на нее и даже не на своего маленького пони с толстым задом, которого теперь держал под уздцы. Взгляд его устремился куда-то дальше, мимо нее, и на его круглом лице вдруг появилось странное, оценивающее выражение.

– Давай же! – снова крикнул юноша из Элмета, и в тот же миг Элфрун вдруг решила для себя, что она даже не хочет знать, что такого увидел там Атульф.

Она развернула Мару, вскарабкалась ей на спину и, ударив ее пятками в бока, взвизгнула:

– Вперед!

Последовал сумасшедший, безудержный рывок, так что она едва успела пригнуться; она смогла дважды – а не трижды, как договаривались, но это уже было не важно, – прыгнуть и вновь вскочить на спину Мары, прежде чем развернулась вокруг куста боярышника с молодыми зелеными листочками на ветках. Косы ее расплелись, и хотя она подоткнула свои юбки, они высвободились и теперь развевались, мешая ей. Все мысли вытеснил восторг этого ликующего момента, ее больше не волновали ни ушибленные ребра, ни другие всадники, ни хриплые крики грачей, доносившиеся из рощи вязов в конце поля, и уж точно ни какие-то там гримасы Атульфа. Возбужденная и забрызганная грязью, Элфрун пришла второй. А выиграл высокий парень на гнедой кобыле.

Выиграл, но совсем немного опередил ее – он сам это признал:

– Ты здорово держалась!

Она резко натянула поводья, едва не въехав на Маре в задок его лошади, и благодарно усмехнулась, слишком разгоряченная и запыхавшаяся, чтобы что-то ответить.

Может, она и не победила, но все же обогнала Атульфа. На этот раз это было сложнее, чем раньше, – и тем приятнее. Смахнув с глаз спутавшиеся пряди волос, Элфрун торжествующе сползла с потной спины Мары.

Перед ней стояла ее бабушка.

Абархильд ничего не сказала.

Ей это и не нужно было. Ее лицо в обрамлении опрятного белого покрывала было еще более строгим, чем обычно, а руки лежали одна поверх другой на серебряном с позолотой набалдашнике ее тернового посоха. Элфрун оценила дистанцию между нею и бабушкой: ей было прекрасно известно, как быстро и больно умеет та бить своей палкой. И как ее будут корить за то, что у Атульфа снова проблемы.

Молчание затянулось и становилось тягостным. Элфрун чувствовала, как горячая кровь разливается откуда-то из груди, отчего начинают гореть ее щеки и потеть ладони, сжимавшие поводья Мары; глухо стучащее сердце подбиралось к горлу, мешая дышать. Одна из лошадей громко и прерывисто пукнула, и Элфрун услышала сдавленное хихиканье у себя за спиной, но не посмела обернуться, чтобы посмотреть, кто смеялся, — Атульф или кто-то из чужих мальчиков.

Абархильд подняла свою палку, и Элфрун вся сжалась; но бабушка ее не ударила, а лишь указала ею — пока что.

— Атульф, заberi это животное. А ты, — она ткнула посохом в Элфрун, — следуй за мной. — Она развернулась и заковыляла по полю в сторону видневшихся из-за ограды опорных столбов шатров Донмута с резными наконечниками, даже не удосужившись убедиться, выполняются ли ее приказания.

Элфрун не глядя сунула поводья Мары Атульфу.

— Ты знал. Ты видел, что она идет. — От возмущения у нее перехватило дыхание. — Мог бы предупредить.

Ее кузен только ухмыльнулся. С пылающим лицом и со слезами злости и унижения на глазах она отвернулась от него и поспешила за Абархильд.

Как только Элфрун догнала бабушку, та заговорила, сопровождая каждое свое слово сильным ударом посоха в землю:

— Тебе. Уже. Пятнадцать. Лет. — Она остановилась и обернулась к внучке; золотые кресты, вышитые на кромке ее покрывала, тускло поблескивали в лучах солнца. Галльский акцент Абархильд, сохранившийся даже после пятидесяти лет проживания в Нортумбрии, становился еще более заметным, когда она сердилась. — Что это было? Грех или просто глупость? — Ее водянистые глаза с розовыми веками прятались глубоко в складках старого морщинистого лица, но Элфрун знала, что они не упустят ничего. — Я уж думала, что ты сейчас покажешь всему свету свою голую задницу.

Элфрун, оправдываясь, похлопала себя по ягодицам:

— Вовсе нет!

Но ее бабушка лишь покачала головой:

— Ты так ничего и не поняла. Только посмотри на себя, — еще один тычок корявой терновой клюкой, — как ты позоришься... При посторонних... — Она плотно сжала губы и шумно вдохнула через нос. — Тебе почти шестнадцать. *Pro Deo amur* — ради Божьей любви, Элфрун, где твое достоинство? Да еще и надела свое хорошее синее платье. И все это происходит в полях рядом с шатром короля! Нет, я определенно больше не хочу еще раз объяснять тебе все эти вещи.

Абархильд уставилась на внучку, пытаясь уловить какой-то признак того, что эти слова дошли до нее. На самом деле Элфрун была хорошей девочкой — Абархильд в этом не сомневалась. Впрочем, ее никогда не били как следует и не возлагали на нее какую-либо ответственность — а нужно было. Отец Элфрун всегда был слишком мягок по отношению к своему единственному выжившему ребенку, и с тех пор, как мать девочки умерла... *Ее испортили*, подумала она, разглядывая растрепанные волосы, заплетенные до этого в аккуратные косы, брызги грязи на широком лбу Элфрун, лихорадочный румянец на ее щеках — причем румянец этот, догадывалась Абархильд, был вызван возбуждением скачки, а вовсе не стыдом за содеянное. Губы ее снова плотно сжались.

Элфрун склонила голову и закусил губу, изо всех сил стараясь выглядеть

раскаивающейся, однако в уголках ее рта пряталась улыбка.

Сдержав свой гнев, Абархильд развернулась и снова пошла вверх по склону, втыкая в траву свой посох и звеня связкой ключей на поясе. Элфрун пришлось поспешить, чтобы не отстать от нее.

Она прекрасно знала, что бабушка захочет увидеть признаки того, что ее мучают угрызения совести и что она раскаивается, прежде чем предложит примирение и простит ее провинности. Ей на самом деле было стыдно. Но в гораздо большей степени она была зла на Атульфа – за то, что он никак не предупредил ее. А ведь это было так просто – подмигнуть, слегка мотнуть головой... Она сжала кулаки так, что ногти ее впились в ладони. Она это ему еще припомнит!

Почему это Абархильд никогда не рассуждает о достоинстве *Атульфа*?

– Что это было? Ты что-то сказала, девочка?

– Прости, бабушка.

– Что? Не слышу!

– Прости! – На этот раз уже громче.

И где-то в глубине души она, помимо воли, вынуждена была признать, что с этим нужно согласиться. Абархильд была права: она теперь уже слишком взрослая для таких игр. Однако признание это, пусть даже лишь самой себе, воспринималось ею уже как предательство, как маленькая смерть.

– Я еще поговорю с тобой об этом позже, – раздраженно проворчала Абархильд. – Сейчас на это просто нет времени – тебя хочет видеть твой отец. – Она снова недовольно засопела, но уже не так громко. – Но только чистой и переодетой.

– Где?

А вот теперь Абархильд, взмахнув своей палкой, действительно ударила Элфрун, на этот раз по икре, а не по косточке на лодыжке, и это означало, что гнев бабушки уже пошел на убыль.

– Он должен предстать перед Осбертом. Ты подождешь вместе с ним, пока вас позовут.

– Перед королем? – Глаза Элфрун округлились от удивления. – А зачем?

– Скоро сама все узнаешь. Это касается лично тебя.

– Может, что-то не так с шерстью? Или с овчиной?

Донмут славился овечьими шкурами, их количеством, качеством, способом обработки, причем как с шерстью, так и без нее. Король и архиепископ полагались на них в этом, и в Йорке их изделия пользовались постоянным спросом у обработчиков кож. Возможно, торговля в Донмуте процветала благодаря шерсти – необработанной, сученой или тканой, – но овчина была ее гордостью и славой. Под руководством своей матери, а теперь Абархильд, Элфрун училась не только прясть и ткать, как и любая девочка, выросшая достаточно, чтобы держать веретено, но также освоила все этапы производства шерсти и пергамента, молока и сыра.

В свое время ее мать шутила, что слава Донмута балансирует на спине овцы.

Но зачем королю было призывать ее, если он хотел поговорить только о шкурах?

Она снова открыла было рот, но, взглянув на лицо бабушки, осеклась. К этому моменту они уже почти дошли до Донмута и стало видно скопление разноцветных полосатых шатров. Губы Абархильд были сжаты, а лоб нахмурен. И Элфрун поняла, что ее бабушка знает сейчас не больше ее самой.

Кожу на голове жгло от рывков бабушкиного гребня из оленьего рога с частыми зубцами, лицо и руки горели от жесткого льняного полотенца, и даже кончики пальцев болели – Абархильд срезала ей ногти. Потом она одевала ее, перечисляя, казалось, бесконечный список нарушенных ею правил поведения и ее плохих манер. Элфрун извивалась под неусыпным присмотром бабушки и любопытными взглядами членов их компании.

В особенности Сетрит. Старшей дочери управляющего поместьем Донмут, стюарда, поручили оттирать и чистить ее синее платье, и Элфрун до сих пор ощущала неловкость при воспоминании о хитром взгляде ее васильковых глаз, который девушка то и дело переводила с брызг грязи на шерстяной ткани на саму Элфрун, беспокойно ерзавшую в своей льняной рубашке под монотонные причитания бабушки. Если бы это была другая девушка, ей было бы не так тяжело, но в присутствии ангельски красивой Сетрит Элфрун всегда ощущала себя угловатой и неопрятной. А что касается метких и злобных комментариев, то в этом Сетрит вообще не было равных.

У Элфрун практически не было времени еще раз задуматься над тем, зачем она могла понадобиться королю.

Бабушка подгоняла ее, словно заупрямившуюся овцу, пока они спешно шли к заполненной людьми площадке перед шатром короля, с такой скоростью, какую только позволяли развить на мокрой от росы траве ее тесные кожаные башмаки. К ее большому облегчению, отец был уже на месте и сидел на скамье прямо возле входа в королевские покои. В этом кроваво-красном плаще она узнала бы его в любой толпе. Подарок короля, полученный всего несколько дней тому назад, это была, несомненно, самая кричащая из его вещей; он носил ее поверх с виду обычной серой туники, мягкой и легкой, которую отличало отменное качество пряжи; это была последняя вещь, сотканная матерью Элфрун. Единственными блестящими предметами в его наряде были серебряные наконечники, оттягивавшие концы матерчатых завязок, которые удерживали плащ у него на плечах.

Но, как бы просто ни был он одет, в глазах своей дочери Радмер из Донмута блистал ярче всех витиевато разодетых глав кланов – тэнов – и всадников, которые вились вокруг королевского двора, словно стая ос, сияя кружевами и тесьмой с золотыми и серебряными нитями на плечах, запястьях, шее и даже на перевязи для меча, которую они носили и без меча.

Никакого оружия в присутствии короля, никакого оружия на праздниках Весны и Сбора урожая. Ставки здесь были слишком высоки: давняя междоусобица всегда была готова разгореться с новой силой. Нортумбрия находилась в состоянии хрупкого мира с того времени, когда Элфрун только начала ходить, однако она довольно часто слышала при дворе бросаемые друг другу угрозы. Внутренние разногласия, вероятность изгнания, «морские волки» и военачальники Мерсии и Уэльса, Пиктландии и Дамбартона... Кузену короля Элреду было запрещено появляться южнее реки Тис после его бунта семь лет назад. Она хорошо знала, что ходят упорные слухи относительно нелояльности престолу и чрезмерных амбициях многих из присутствующих здесь лиц. Но ей было тяжело серьезно воспринимать любые категорические утверждения такого толка. Пока ее отец на стороне короля, что может им угрожать?

Радмер жестом указал ей место на скамье рядом с собой. Он не улыбнулся, но и не нахмурился, и этого было достаточно, чтобы Элфрун испытала облегчение. Она знала, что,

явись она сюда выпачканная и взъерошенная, ее встретили бы нахмуренные брови отца – а это хуже любых высказанных упреков, – и поэтому даже почувствовала некую смешанную с обидой благодарность к старой женщине, топавшей сейчас рядом с ней.

Абархильд молча села на скамью – спина прямая, губы по-прежнему плотно сжаты.

– Мама. – Радмер склонил голову, и старуха кивнула в ответ; в свете весеннего солнца было видно, что в его белокурых волосах пока не так уж много седины.

Затем он взглянул на робко склоненную голову дочери с аккуратным пробором в темно-каштановых волосах.

– Дочь моя. – Она подошла и встала перед ним: руки согнуты в локтях, взгляд по-прежнему потуплен. – Король призвал меня, – тихо сказал он. – И сказал, что ты тоже должна прийти со мной. Это означает что-то хорошее для нас. – Радмер положил руки на колени. – Что ж, я сижу здесь уже некоторое время, и все еще приходится ждать. Из Кентербери приехали папские послы, легаты, и архиепископ Вульфхер вместе с ними. Но стюард Осберта сказал, что пригласит нас следующими, что бы там ни было. – Он протянул руку и слегка похлопал ее по плечу. – Как ты развлекалась сегодня? Не сидела же, надеюсь, в наших душных шатрах в такую погоду?

Она подняла на него свои спокойные карие глаза, и он ободряюще улыбнулся ей.

Элфрун чувствовала, как бабушка буквально сверлит ее взглядом.

– Я наблюдала... наблюдала за Атульфом и лошадьми. Скачки. – Это все-таки была не полная ложь, даже если неприглядная правда как-то и просочилась в ее интонацию.

– Он победил?

Внезапно ей захотелось, чтобы отец видел, как она скакала. Радмер мог рассердиться – и рассердился бы *обязательно*, – но никто не мог бы оценить искусство верховой езды лучше его. А она знала, что была ничем не хуже Атульфа. И даже лучше его. То, как этот несчастный мальчишка рвал уздой губу Эппл...

– Он... я...

– Он выступил достойно, – пришла на помощь бабушка. – Другие мальчики были старше его. – Она бросила на Элфрун ничего не выражающий взгляд. – К тому же он ехал на Эппл, а не на Маре.

– Атульф... – задумчиво произнес отец. – Теперь, когда твой дядя Ингельд вернулся домой из Йорка, пора ему как следует взяться за этого парня. Многообещающий мальчик, но слишком долго был предоставлен сам себе.

– Его должны готовить для Святой Церкви. – Голос Абархильд звучал безучастно и непреклонно.

Элфрун уставилась на бабушку. Вялый нытик Атульф – и вдруг церковник?

Похоже, отец разделял ее недоумение.

– Этот слабак? Он годится для этого даже меньше, чем его отец.

Элфрун вся сжалась в ожидании взрыва возмущения. Но Абархильд только нахмурила свое морщинистое лицо, так что складки между ртом и подбородком стали еще более глубокими и жесткими.

– Ответственность за мальчика лежит на нас. Какой у нас выбор? Сделаешь его своим наследником?

– Пообещать ему нашу усадьбу? – Радмер так резко обернулся к матери, что Элфрун вздрогнула. – Этому избалованному отпрыску Ингельда? Нужно быть просто сумасшедшим.

– А почему нет? К кому перейдет Донмут после тебя?

– Не торопись меня хоронить, мама. – Радмер взглянул сначала на мать, потом на дочь, а затем посмотрел на королевский шатер. – Я пока что жив.

– Радмер! Не игнорируй моих слов. Ты должен что-то сделать для Атульфа.

– С чего бы это? – Голос отца был ровным, но в нем ощущалась твердость камня. – Это сын Ингельда. Вот пусть Ингельд и заботится о нем.

Абархильд тяжело поднялась на ноги и заковыляла прочь; поникшие плечи красноречивее любых слов говорили о ее несогласии с сыном.

Радмер нервно постучал пальцами по колену.

– Как будто я уже недостаточно сделал для Ингельда. – Он осклабился, обнажив белые и крепкие зубы, блеснувшие в серебристо-русой бороде, но его глаз не коснулась улыбка. – Садись, дочь, и поучись добродетелям верного слуги короля, глядя на меня.

– И что же это за добродетели?

Скамья стояла на неровной земле и слегка наклонилась, когда она на нее села.

Радмер фыркнул:

– Покорность. Терпение. Готовность выполнить любое желание короля. И никогда не следует задавать вопросов.

Все это очень напоминало обычные наставления Абархильд насчет того, что такое хорошая внучка, и Элфрун уже хотела сказать об этом, чтобы проверить, не вызовет ли это улыбку у отца. Но внимание Радмера уже привлекло что-то другое. Все его тело напряглось, как у волка, учуявшего идущего по его следу охотника. Она проследила за его взглядом, устремленным на противоположную сторону тридцатифутовой поляны, служившей приемной перед шатром короля, но ничего особенного там не увидела.

Просто группа каких-то людей.

Но, продолжая смотреть, она поняла, что там возникает какое-то движение – словно зарождается небольшой песчаный смерч, какие она часто видела на берегу ветренными днями. В следующий момент толпа разделилась надвое, давая пройти человеку крепкого телосложения, с блестящей на солнце лысиной, который решительно зашагал по траве в сторону шатра короля. Хотя шел незнакомец неторопливо и размеренно, он так и шарил глазами вокруг себя; Элфрун видела, как взгляд его скользил по лицам и вдруг застыл, упершись в ее отца. Но этот человек так и не остановился. Элфрун поняла, насколько он большой, только когда он оказался рядом с королевским стюардом: тот был высок, но незнакомец был выше его на полголовы и намного шире в плечах. На его бугристом насупленном лбу не хватало только пары рогов, чтобы его можно было принять за быка, стоящего на задних ногах. Она прижала ладонь к губам, чтобы сдержать хихиканье, которое могли счесть оскорбительным.

Стюард выслушал его, кивнул и нырнул за полог шатра.

Теперь Элфрун заметила, что ее отец был не единственным, кто напрягся и застыл при появлении незнакомца. Королевские прихлебатели зашевелились, начали поглядывать по сторонам и перегруппировываться. Люди шептались, слушали друг друга с озабоченными лицами, и постепенно, уже перестроившись, отходили подальше от места, откуда он появился. Но группка людей, из которой он вышел, по-прежнему была плотной, они держались вместе – все крепкие, с обветренными лицами. Было в их внешности и еще что-то общее, однако Элфрун не смогла бы сказать, что именно. Манера носить головной убор, узор тесьмы, то, как были подвязаны их штаны...

Наблюдая за тем, как они двигаются, как поворачиваются, она вдруг сообразила, что там

были не только мужчины: среди них стояла затянутая в корсет женщина и высокий мальчик за ней, который держал под уздцы лошадь. Был бы он один, Элфрун не запомнила бы его: сами по себе мальчишки интереса для нее не представляли. Однако она мгновенно узнала его стройную гнедую кобылу, вспомнила возбуждение скачки и то, как даже в самые напряженные ее моменты этот всадник и его лошадь двигались как единое целое.

Юноша заметил, что она наблюдает за ним.

Их взгляды встретились, и он чуть поднял руку, узнав ее. Она выставила вперед подбородок, заставив себя выдержать его взгляд. Имеет же она право смотреть, разве нет? Даже Абархильд не может иметь ничего против того, чтобы она просто *смотрела*. Зачем тогда было приводить такую славную кобылу на сход, если ты не готов дать людям на нее посмотреть? Но, подумав об Абархильде, она все же покраснела и отвела глаза в сторону.

После того как бабушка ушла, эта маленькая кругленькая дама в платье из коричневой саржи оказалась здесь единственной женщиной, кроме самой Элфрун. Связана ли она каким-то родством с этим юношей и с тем большим лысым мужчиной? Парень был высоким и стройным, с рыжеватыми волосами; причем, как и она сама, он явно чувствовал себя тут не в своей тарелке.

Отец Элфрун по-прежнему напоминал каменное изваяние. Она заметила, что люди вокруг них с блестящими от возбуждения глазами перешептываются, поглядывая то на него, то на шатер. Огромный мужчина, человек-бык, по-прежнему ожидал у входа, но потом она увидела, как из шатра появилось несколько священников, за которыми вышел новый архиепископ, кузен короля. По-волчьи узкое лицо Вульфхера выражало недовольство и раздражение.

А затем в шатер пригласили того большого мужчину.

Значит, он был важной персоной. Достаточно важной, чтобы король прервал свою встречу с его преосвященством архиепископом Йоркским и иностранными гостями.

«И достаточно важной, – похолодев, подумала она, – чтобы король ради него не сдержал обещания, данное отцу. Он сказал, что следующим будет Радмер, но тут из ниоткуда появляется этот человек и ведет себя так, словно он здесь хозяин, и стюард беспрекословно ему подчиняется».

Абархильд, конечно, отругала бы ее за излишнее любопытство, но Элфрун прогнала все мысли о своей бабушке. Она должна была узнать, что тут происходит.

– Папа? – Он как будто не слышал ее. – Папа, а кто этот человек?

Она уже подняла руку, чтобы потянуть его за рукав, но ее опередили. К ее отцу осторожно, на чуть согнутых ногах, словно кот, подбирающийся к мастиффу, направлялся один из тех, кто перешептывался в ожидании приема. Элфрун узнала его – это был дальний родственник ее покойной матери.

– Радмер.

Ее отец кивнул в ответ:

– Эдмунд.

Эдмунд, человек желчный, с настороженным, утомленным взглядом и неухоженными усами, был на несколько лет старше Радмера.

– Итак, он вернулся. – Он сел на скамью по другую сторону от Радмера.

– Они. Они вернулись.

– Осберт, должно быть, знал. А *ты* знал? – Эдмунд ждал ответа, но Радмер молчал. – Что ж, семь лет прошло. Даже больше.

– Он отбыл свой срок в изгнании. И имеет право просить помилования. – Голос Радмера звучал нарочито беспристрастно.

– Говорят, что все это время они провели в Датских границах^[7]. В Хедебю^[8] и на побережье Балтийского моря. Он завел там друзей. И вот эти, – он указал подбородком, – из их числа.

Радмер покачал головой:

– Они уехали во Франкию^[9].

– Это предполагалось, что они должны быть там. Но люди говорят другое. – Эдмунд вопросительно поднял брови. – Ты этому веришь?

– Я не верю всяким слухам. – Радмер вздохнул. – А с тех пор, как мы изгнали Тилмона, эти чертовы слухи появлялись один за другим. То, что он был в Дейнмарче, – это всего лишь последний из них. Но король, которого он пытался натравить на нас, уже мертв, и Нортумбрия сильно изменилась с тех пор, как он оставил нас. Появились новые союзы. Новые лица. – Радмер выдержал паузу, и лицо его стало хмурым. – Теперь, когда на архиепископском троне сидит Вульфхер, Осберт стал сильнее, чем когда-либо. Элреду хорошо заплатили за то, чтобы он оставался у себя на севере и не высовывался. Поэтому пусть Тилмон возвращается – пусть попытается, по крайней мере. И посмотрим, что у него из этого получится.

Эдмунд взглянул на шатер короля:

– Осберту нужно будет многое простить.

– И не ему одному.

Элфрун опасливо посмотрела на отца, испугавшись резкости, внезапно появившейся в его голосе, но он, похоже, не замечал ее присутствия.

В отличие от него, Эдмунд поймал ее взгляд, слегка улыбнулся, а затем подмигнул ей. Радмер нахмурился, и на лбу его появились глубокие складки; он обернулся и посмотрел на дочь.

– Это слишком серьезный разговор для ушей моей маленькой дочки.

Эдмунд фыркнул:

– Она не маленькая девочка. Уже не маленькая. И каждый раз, когда я вижу ее, она все больше становится похожей на свою мать. – Он небрежно перекрестился.

Лицо Радмера напряглось. Он повернулся и снова посмотрел на другой конец поросшего травой переднего двора перед шатром короля.

– Итак, Тилмон привез с собой жену и сына. Должно быть, он уверен в том, что вернет расположение Осберта.

– Либо это, либо он планирует отправить Свиту отвоевывать для него уголок в его душе. – Эдмунд хмыкнул и усмехнулся. – И лично я предпочел бы иметь дело с ним, а не с ней.

– Это верно. Она всегда была противником, с которым нужно считаться.

Оба засмеялись, а их слова заставили Элфрун с еще большим любопытством разглядывать полную женщину, стоявшую на противоположной стороне поляны. Свита. Она казалась вполне обычной и к тому же совсем маленькой на фоне мужчин. И тем не менее она так же опасна, как и ее муж, человек-бык? Выходит, парень с гневной кобылой – ее сын. Интересно, каково это – иметь такого отца, как у него?

– Если Тилмон действительно был в Дейнмарче, – медленно произнес Эдмунд, – и если они с Элредом по-прежнему заодно, тогда Осберту нужно как-то снова добиться его

лояльности. Как ему приманить эту пару? Ты знаешь? Тебя посвящают в такие дела?

Радмер искоса взглянул на него:

– Ты думаешь, я бы сказал тебе?

– Все гадают, как это будет происходить.

– Вот и пусть гадают. – Радмер вытянул ноги и сцепил руки на затылке. – Хотите посмотреть на меня? – Голос его зазвучал громче и с вызовом. – Хотите поразмышлять, ребята? Тогда вперед и в добрый путь. Будьте моими гостями.

– Это уже слишком, Радмер, – сказал Эдмунд, заметно нервничая.

– Ну так не дави на меня.

Элфрун растерянно переводила взгляд с одного на другого, удивляясь тому, что между ними внезапно проскочила искра.

Эдмунд встал и зевнул во весь рот. Поймав на себе ее взгляд, он нахмурил брови.

– А что насчет нее, Радмер? Какие планы?

– Элфрун нужна в Донмуте. Она примет управление поместьем от своей бабушки. Со временем.

– А замуж? – Эдмунд окинул ее оценивающим взглядом. – Есть много семей, которые хотели бы породниться с семейством из Донмута. Эта девочка вообще умеет говорить?

– Она хочет остаться со мной. – Отец положил руку ей на плечо. – Правда, Элфа?

Неожиданно оказавшись в центре внимания сразу двух мужчин, Элфрун неловко заерзала. Но ответить ей не пришлось. К ним направлялся стюард короля, настойчиво махая отцу рукой.

– Нет, Радмер, без девочки. Только ты один. – Он взглянула на Элфрун. – Пока что, по крайней мере.

Ее отец нахмурился:

– Оставайся здесь, Элфа. Но как же мне не хочется оставлять тебя одну!

Элфрун огляделась, но Абархильд нигде видно не было.

Отец продолжал хмуриться.

– Присмотришь за ней, Эдмунд?

– Присмотрю так, как будто она мне родная дочь, – сердечным тоном ответил тот.

Она видела, как королевский стюард спешно провел ее отца к шатру и приподнял тяжелый, расшитый узорами полог. Человек-бык, Тилман, так и не вышел оттуда. Так что теперь в шатре они были втроем.

3

Эдмунд отошел от нее на пару шагов. Хоть она и не испытывала особого расположения к этому человеку с печально обвисшими, всклокоченными усами и томным взглядом, но он все же был родственником, пусть дальним, и отец попросил его быть защитным барьером между нею и остальными присутствующими. Она постаралась выпрямить спину и сложила руки так, как это понравилось бы Абархильд.

– Как выживаете, кузен Эдмунд?

– Выходит, говорить ты все-таки умеешь. – Он вздохнул. – Довольно неплохо поживаю, кузина Элфрун. Довольно неплохо. Расскажи мне, как идут дела в Донмуте. У вас по-прежнему работает тот славный кузнец?

– Кутред? – Она и сама знала, что у них в Донмуте люди хорошие, но было приятно, что

и в остальном мире отметили это. – Да, он по-прежнему у нас. К тому же теперь вместе с ним в кузнице трудится его сын.

Эдмунд покачал головой:

– Твоему отцу повезло. Кузнец, стюард, пастух – у вас в Донмуте замечательная команда. А Видиа, вашего егеря, приглашает сам король. Надеюсь, Радмер ценит это благословение Господне?

Она кивнула.

– Скажи мне еще вот что. Твой отец ничего не говорил о том, что намеревается снова жениться?

– Нет! – От испуга она едва не вскрикнула.

– Совсем ничего? Правда? Прошло уже несколько лет.

Элфрун знала точно, сколько времени уже нет ее матери.

– По крайней мере тебе не говорил. – Эдмунд провел языком по нижнему краю усов. – А как насчет того, чтобы назвать своего наследника?

Она отрицательно покачала головой, чувствуя себя все более неловко под этим потоком вопросов.

– Ладно-ладно. – Несколько мгновений он внимательно смотрел на нее, словно что-то просчитывая в уме. – Но ведь у твоего дяди-священника есть сын или даже два, которые могли бы стать наследниками, верно? Так должны выпасть кости?

И в тот же миг Элфрун возненавидела его – и за этот злобный намек в его голосе, и за то, что усы топорщились над его ртом так, что даже не было видно губ, когда он говорил.

– Сын у него один, – холодно сказала она и с раздражением вспомнила, как Атульф самодовольно ухмыльнулся ей на прощанье.

– Всего один? Правда? – хохотнул Эдмунд. – А теперь, когда Ингельд должен покинуть Йорк, чтобы возглавить церковь в Донмуте, думаю, у него вообще нет шансов завести еще детей. За каждым его шагом будет внимательно следить твой отец. Забавно! – Внезапно он склонился над ней, причем так низко, что стали видны красные прожилки на его глазных яблоках и глубокие поры на кончике носа. – Хочешь совет? Не позволяй Радмеру, – он мотнул головой в сторону королевского шатра, – дать тебе увянуть дома. А он попытается держать тебя взаперти, поверь, и просто потому, что ему так удобно. Я его знаю. – Эдмунд сплюнул на траву. – Он должен выдать тебя замуж. Ты поднимаешься в цене. – Он сел рядом с ней, плотно прижавшись к ней бедром, и наклонился еще ближе, так что она даже почувствовала запах жареного мяса и пива, исходивший из его рта. – А ты готова быть с мужчиной? Ты пока маленькая и тощая, но в этом деле заранее никогда ничего не определишь. В Донмуте любая девушка может расцвести и стать привлекательной.

Испытывая отвращение из-за такой его близости, она осторожно отодвинулась от него, насколько это было возможно, чтобы не показаться грубой, и он рассмеялся.

– Мой отец попросил вас приглядывать за мной, – сухо заметила она.

– Да, попросил. – Он смерил ее с головы до ног таким взглядом, что у нее по спине побежали мурашки. – Что я как раз и делаю. А тебе известно, как люди называют Радмера?

– Как называют? Волком Короля.

– Правильно. Волком Короля. А знаешь почему?

Он начал клониться к ней, а она еще на дюйм отодвинулась к краю скамьи и, чтобы удержать его на расстоянии, быстро заговорила, повторяя то, что слышала в их имении:

– Потому что Донмут – ворота Нортумбрии, а он охраняет их. Если удержать реку и ее

устье, королевство будет сильным.

– И он не только охраняет, этот любимый волк Осберта. – Похоже, что мысль эта показалась ему забавной. – Радмер в угоду королю в течение двадцати лет рычал и щелкал зубами на чужаков. Он гордый. Он должен быть гордым. – Эдмунд отвернулся, чтобы взглянуть на шатер короля. – Но после возвращения Тилмона он рычать не станет. Он захочет впитаться ему в горло. – Он рассмеялся. – Захватывающие времена!

Он по-прежнему сидел слишком близко к ней. Элфрун чувствовала тепло и тяжесть прижимавшегося к ней тела; но теперь она сидела уже на самом краю скамьи, и этот жесткий край больно впивался ей в правую ягодицу. Еще немного, и она вообще свалится. Ей очень хотелось встать и уйти, но Абархильд была бы шокирована таким непочтительным по отношению к родственнику поведением.

А вдруг он пойдет за ней, накричит на нее, да так, что на них станут все глазеть?

Поэтому она, молча и едва дыша, просто сосредоточилась на своих сомкнутых пальцах, изучая бледно-розовые полумесяцы на собственных ногтях. Эдмунд что-то спросил, но она не разобрала и продолжала сидеть, крепко сжав губы. Наконец, к своему огромному облегчению, она почувствовала, как скамья немного накренилась, – он встал. Когда же она осмелилась поднять глаза, то увидела, что он уже присоединился к небольшой группе придворных, топтавшихся у дальнего края королевского шатра. Тихое бормотание, косые взгляды – некоторые из них были брошены в ее сторону, выразительные жесты.

Но дело явно было не в ней. Нортумбрианские военачальники, тэны и придворные вместе со всеми остальными королевскими приспешниками собирались уже в большие группы. В ответ люди Тилмона стали плотнее.

Однако юноша отошел в сторонку вместе с гнедой кобылой и сейчас прогуливал ее, прохаживаясь взад-вперед. Элфрун рассматривала изящные линии лошади, настороженно вытянутые вперед уши, гладкие копыта, блестящую под солнцем шкуру – она была совсем не похожа на Мару или Эппл. Грациозная посадка головы делала ее похожей на птицу, равно как и короткий, семенящий шаг. Парень, должно быть, часами стриг ей гриву, расчесывал ее, смазывал маслом. Он повернул голову в ее сторону, и она быстро отвела глаза, чтобы снова не встретиться с ним взглядом. Было бы здорово еще раз посостязаться с этой лошадкой, хотя у Мары не было ни единого шанса обойти ее.

Милые лохматые Мара и Эппл... Внезапно Элфрун почувствовала угрызения совести. Разве можно было доверить Атульф ухаживать за пони, когда такое сборище по случаю праздника предлагает столько соблазнов и развлечений? Она взглянула на полог, закрывавший вход в королевский шатер. Сколько еще все это может продлиться? Она быстро – она бегом.

Только убедится, что с Эппл и Марой все в порядке.

А что, если не в порядке? Что, если Атульф просто бросил их в поле отвязанными? И даже все еще под седлом? Тогда ей придется их ловить.

Элфрун уже начала подниматься на ноги, но застыла, так и не распрямившись.

Отец может выйти из шатра, прежде чем она вернется. А что, если король спросит о ней? А что, если она вдруг снова испачкается? Тогда, если ее не убьет отец, это определенно сделает бабушка. Поэтому Элфрун снова упала на скамью, стараясь сохранить лицо спокойным и держать руки сложенными, а спину прямой. Но скамейка была жесткой и, казалось, становилась все жестче и жестче; у нее уже болел от долгого сидения зад, а растертым до волдырей ногам было жарко, больно и тесно в негнувшихся кожаных башмаках, которые она надевала очень редко. Сидя тут одна, она чувствовала себя ужасно неловко, но

все равно так было лучше, чем если бы вернулся Эдмунд. Продолжало светить солнышко, жаворонки Дейры^[10] вкладывали всю свою душу, распевая хвалебные песни весне в пасхальном небе, а снизу, от реки, до Элфрун доносились плеск воды и веселый смех. Ей даже стало казаться, что она может различить радостные вопли Атульфа.

Абархильд и так уже сильно рассержена на нее за то, что она участвовала в скачках с мальчиками. А что будет, если она застучает Элфрун купающейся?

Теперь она слышала еще какие-то голоса – говорили на повышенных тонах, но уже где-то близко.

Да нет, это были крики. И раздавались они из шатра короля.

Она внутренне ошетичилась, даже не заметив этого.

И не она одна. Все вдруг застыли, и руки привычно дернулись к рукояткам отсутствующих мечей. Женщина в коричневом платье и тот юноша стояли теперь рядом. Он смотрел на шатер, но взгляд женщины был устремлен на противоположную сторону поляны. Элфрун вдруг поняла, что та смотрит *на нее*. Вероятно, ей – Свита, ее звали Свита, – как и Элфрун, было не по себе в толпе занервничавших мужчин.

После вспышки эмоций голоса в шатре стихли, словно там с опозданием вспомнили о многочисленных ухах, жадно слушавших за раскрашенными и вышитыми стенами королевских покоев. И сколько она ни прислушивалась, больше так ничего и не услышала.

Еще несколько глухих и тягучих ударов сердца – и мир вокруг снова задышал спокойно.

В просвете полога, под кистями, украшавшими его, появилась чья-то тень, и на дневной свет, покачиваясь, вышел ее отец. Сначала она подумала, что он просто ослеплен ярким солнцем, но затем поняла, что он едва не рычит от злости, – таким злым она еще никогда его не видела. Он направился прямо к ней.

– Вставай!

Она вскочила на ноги.

– Что? Что случилось? Король теперь хочет видеть меня?

Но он крепко схватил ее за локоть и развернул в сторону, противоположную шатру.

– Папа! Ты делаешь мне больно.

Глаза. Повсюду эти следящие за ними глаза.

Даже ей было ясно, что глаза эти подметили и гнев отца, и потерю им самообладания.

– Папа! Это я что-то сделала не так?

Он как будто очнулся.

– Ты, детка? Нет, вовсе нет. – Он оглянулся. – Но здесь я не могу говорить. Это не для посторонних ушей, – добавил он, но все же ослабил хватку.

Уши и глаза. А еще языки, готовые перекрутить все, что до этого восприняли глаза и уши. Ей мучительно захотелось в спасительную гавань родного Донмута, где ей знакомы все и каждый.

Радмер снова смотрел поверх ее головы на королевский шатер.

– Проклятье!

Но тут перед ними, заслоняя солнце, вдруг, словно ниоткуда, возник человек-бык.

– Так это и есть та девочка? – Он протянул к ней руку.

Радмер тут же встал между ними.

– Ты уже слышал мой ответ, Тилмон.

– Подумай еще раз. – Тилмон, оглянувшись, бросил взгляд на королевский шатер.

– Не обижай меня. Безземельный изгнанник. Изменник. Может, король и говорил с

тобой, но он по-прежнему сомневается как в твоей преданности, так и в преданности Элфруна. – Элфрун показалось, что ее отец ошетиливается и издает тихое угрожающее рычание. – И он прав.

Кто-то коснулся ее локтя, и она вскрикнула от неожиданности.

Это была та приземистая женщина в коричневом платье. Вблизи она очень напоминала Элфруна ежа – блестящие черные глаза, маленькое лицо, сладкая улыбка. Покрывало на ее голове немного перекосилось, отчего на виски выбились тугие выющиеся пряди темных с сединой волос.

– Радмер.

Отец Элфруна сдержанно кивнул в ответ:

– Свита.

Свита стала между мужчинами.

– Мы ведь теперь на одной стороне. По крайней мере хоть взгляни на моего мальчика. – Ее душевный низкий голос звучал небрежно и беззаботно.

– Исключено, и думать нечего. – Радмер отвернулся от них.

Но, к удивлению Элфруна, женщина чуть ли не интимным жестом взяла его за рукав и, приблизившись к нему, еще больше понизила голос:

– Верит нам Осберт или нет, он в нас нуждается. Он чувствует, куда дует ветер. – Она повернулась к Элфруну, смерила ее долгим изучающим взглядом, а затем снова посмотрела на Радмера. – Почему бы нам не оставить прошлое в прошлом? – убедительным, рассудительным тоном добавила она. – Мы ведь когда-то были добрыми друзьями.

Он высвободился и сделал шаг назад, так что она уже не могла дотянуться до него.

– Ни за что.

– Но почему, Радмер? Тебе ведь все равно придется ее куда-то пристроить. – Тилмон издал какой-то странный звук, который мог быть как смехом, так и рычанием, но Свита проигнорировала его. Она по-прежнему улыбалась. – Это ведь легко и просто, Радмер. А ты все усложняешь.

4

Весла с громким скрипом сделали последний долгий гребок. Гребцы подняли их в самое верхнее положение, так что вода закапала вниз, а лодка с уже вынутой из гнезда мачтой по инерции заскользила через камыши. Несмотря на хмурый вечер, в камышах кипела жизнь – повсюду сновали маленькие коричневые птички. Хотя сейчас этого уже и не скажешь, но непогода бушевала сутки напролет, и команда выбилась из сил.

Финн со своей котомкой из ивовых прутьев, пригнувшись, балансировал на носу, готовый прыгнуть на одну из маленьких болотных кочек, как только капитан поднимет руку.

Однако вместо этого Туури поманил его к себе своим скрюченным пальцем. Финн поставил свою котомку и, переступая через скамейки для гребцов, сваленные тюки и храпящих членов команды, свободных от вахты, направился туда, где возле гнезда кильсона^[11] стоял старик. У его ног сидела Аули, вырезавшая ножом новую костяную флейту.

– Мы прибыли раньше, чем планировали, – сказал капитан. – На добрую пару недель. Но мы должны поймать ветер, когда он появится. – Его обветренное лицо ничего не выражало.

Финн кивнул. Он хорошо помнил эти болота в Линдси, и поэтому ему хотелось еще

засветло ступить ногой на твердую землю и добраться до большого монастыря в Бардли, где его помнили с прошлого лета. Он знал, что там его ждет сердечный прием и место у огня. На рынке в Хедебю ему удалось купить прекрасный восточный ладан, пахнувший летними розами и завернутый в промасленный пергамент, а эти маленькие глиняные сосуды со святой землей, маслом и водой прибыли, как ему было сказано, из Иерусалима и были доставлены к Балтийскому морю по длинным рекам. У него был также его обычный набор безделушек и случайных предметов. Добрые братья-монахи из Бардли будут довольны. Он доберется до Бардли, а затем, замыкая большой круг, сделанный им за год, продолжит путь, который приведет его, в конечном счете, на север. Они с Туури все обговорили. Эта петля, совершенная против хода солнца, замкнется, когда он пройдет по старой дороге до Барроу и паромной переправы, а дальше по реке Уз до Йорка, навещая по пути все монастыри и поместья, протягивая одну руку для дружеского приветствия, но вторую держа недалеко от своего кинжала на поясе.

Финн ждал, борясь с нетерпением. Он знал, что Туури не станет держать его здесь просто для того, чтобы пожаловаться на ветер и плохую погоду. Проследив за взглядом старика, он посмотрел в дальний конец лодки, где лежали Мир и Холми, – они крепко спали, привалившись к широкой волосатой спине Варри. Парни большую часть дня непрерывно боролись со снастями и ветром, и он не обижался, что они заснули, хотя и был опечален, поскольку не сможет пожелать им на прощанье счастливого пути и удачи. Пройдет много времени, прежде чем он увидит их снова, – а может, и не увидит больше никогда. В его внутреннем мире не было места самоуспокоенности и удовлетворению.

– Ты знаешь, что нам нужно.

Финн кивнул. Конечно, он знал это. Им нужно было знать, на какое расстояние лодка сможет подняться по реке при отливе. Как далеко видно из дверей поместья. Какое количество вооруженных людей вероятнее всего будет находиться в конкретный день под конкретной крышей. Золотые у них кресты и подсвечники или из позолоченного серебра, серебряные или из посеребренной бронзы. Его задачей было все подмечать и ничего не забывать, задерживаться за столом или у рыночного прилавка, когда заключаются большие сделки, когда мозги людей заняты другими вещами и никто не обращает внимания на учтивого бродячего торговца, за исключением разве что пары девушек, которым он успел улыбнуться. Он выполнял свою работу в судоходной части рек Шаннон и Лиффи, в болотистых низинах Дорстада и на Сене, а в прошлом году Туури впервые привел его и всех остальных к берегам Англии.

В его ноше самым ценным была именно эта его осведомленность – лишенный веса, невидимый, но очень дорогой товар.

– Ты знаешь эти края.

– Знаю. – Финн сглотнул.

Голос его был хриплым, и горло до сих пор болело из-за того, что на ветру все время приходилось кричать.

– Мы пойдем на север Хамбера^[12].

– Раньше вы говорили, что на реку Тис.

– Ну да, вероятно, на Тис. Пока что, по крайней мере. Но там есть один человек, который хочет поговорить с нами. – Обветренное морщинистое лицо Туури скривилось в лукавой щербатой улыбке. – Он хочет заплатить нам. Хочет, чтобы мы переговорили с нашими друзьями. Встретимся в Хамберсайте. Примерно на равноденствие.

- А где в Хамберсайте?
- В кирке^[13] Бартона. На берегу. Это большая кирка. Помнишь ее?
- Хотите, чтобы я пришел туда?
- Нам надо будет, чтобы ты нам кое-что рассказал.

Финн снова кивнул.

- Я буду там. На равноденствие. Через пять месяцев.
- Два дня до него и два после, – уточнил Туури. – Бартон, запомнил?

Лодка уткнулась в островок плотных зарослей камыша. Высоко над головой на север тянулся косяк гусей. Финн поднял свою котомку, забросил ее за спину и приготовился прыгать.

5

Фредегар опустил взгляд на свои руки; переплетенные пальцы были сцеплены так крепко, что он чувствовал каждую косточку под тонкой кожей болезненного землистого цвета. Расцепив руки, он стиснул их в кулаки так, что суставы побелели, а ногти впились в плоть. В животе ощущалась уже знакомая зябкая тяжесть, словно в желудке лежал неперевариваемый комок холодного овсяного пудинга, хотя воздух в церкви был теплым и спертый. *Pro Deo amur...*

Но все утро он чувствовал себя неплохо и не поднимая головы трудился на своем винограднике, используя ножницы, корзинку и маленькую мотыгу. Там не нужно было ни с кем говорить и даже просто поднимать взгляд от вытянувшихся рядами виноградных лоз, которые так трудно подрезать. Все хорошо было и позавчера, когда он по колено в грязи возился в камышах рыбного пруда, высоко подобрав рясу и подставляя бритую голову горячему весеннему солнцу. И только когда снова слышался тонкий бронзовый голос колокола, тьма в очередной раз начала подползать с боков, ограничивая поле зрения и сдавливая легкие.

Он сделал длинный прерывистый вдох и на выдохе пропел своим чистым тенором, который прозвучал не хуже монастырского колокола: «*И уста мои возвестят хвалу Твою*»^[14].

Но поднять взгляд и встать вместе с остальными братьями означало бы, что ему придется смотреть на хор, на шеренгу новых послушников и облатов^[15] монастыря Корби, а это было для него невыносимо. Юные, светлые лица, такие розовые и чистые под аккуратной монашеской стрижкой. *Innocentes, невинные*; не это ли слово заставляет его думать о них? По-латыни *innocere* означает «не причинять вреда», а вот это уже неправильно. Эти мальчики могли причинить вред – да еще какой! – своими мыслями, своими словами и поступками, тем, что они уже сделали, и тем, что сделать не удалось. Что же тогда получается? *Ignorantes – несведущие*? Они не догадывались, что может произойти с ними здесь, в их земной обители. Даже здесь.

О Господи, поспеши, чтобы помочь нам.

Лучше уж умереть теперь, молодым и несведущим, чем пережить то, что может ожидать в будущем.

- Отец, вас хочет видеть отец настоятель.

Фредегар кивнул мальчику и повернул в левое, темное крыло церкви, ведущее к небольшому каменному залу, где их новый настоятель проводил беседы.

– Вырастить не получилось. – Ратрамнус сложил пальцы домиком и взглянул поверх них на Фредегара; при этом его длинные и взъерошенные седые брови воинственно ошетинились, как рога у жука-оленья. – Так бы я сказал, если бы ты был одним из ягнят. И посоветовал бы сунуть тебя в корзину на кухне и кормить из бутылочки. – Он сокрушенно вздохнул. – Но ты не ягненок. Ты монах и пастырь церкви прихода Нуайон.

– Был им.

– Нуайон будет восстановлен, отстроен заново. – Голос Ратрамнуса звучал сухо. – Но до тех пор нам нужно что-то с тобой делать. И поверь мне, я скорблю о епископе Иммо и всех остальных так же сильно, как и ты.

– Вы молитесь за них, отец?

– Ежедневно.

Фредегар кивнул. Он уважал Ратрамнуса и был благодарен ему. Если по каким-то причинам ему суждено все еще ступать по Божьей земле, то Корби, как промежуточный пункт, был для него ничем не хуже, чем любое другое место. Однако почему именно он, человек никчемный, продолжал жить в комфорте для своего брэнного тела, тогда как все его братья мертвы?

– Не спишь по ночам?

Фредегар почувствовал, как после этого вопроса на него накатила волна усталости. Он покачал головой:

– Не могу. Как только закрываю глаза...

Но Ратрамнус прервал его, подняв свою замечательную бровь:

– Ты должен спать, и ты это знаешь. – В голосе аббата не было и тени укора – просто констатация факта.

Фредегар открыл было рот, чтобы возразить настоятелю монастыря, но тот уже кивал, предупреждая, подняв указательный палец.

– Те, кто был здесь до тебя, жаловались на шум, который ты производишь по ночам.

– Ох! Правда? Неужели все жаловались? Простите меня, отец.

– А они ведь имеют право на сон. – Ратрамнус вздохнул. – Так как же нам с тобой поступить?

– Просто скажите, что мне делать, отец, и я буду выполнять любую работу. Дубить кожи. Ухаживать за свиньями. Я могу спать в хлеву, если так будет лучше для братьев.

– И позволить тебе набивать утробу жомом? Конечно, в почете любой труд. – Ратрамнус задумался. – У меня были кое-какие соображения на этот счет, а вчера меня осенило. – Он потянулся к столу и взял лежавшие там вощенные дощечки для письма. – Что тут сказано?

Фредегар ждал.

– Ах да. – Ратрамнус покосился на дерево с редкой листвой за окном, а затем снова взглянул на Фредегара из-под своих кустистых бровей. – Вот что. Я подумал, что могу использовать тебя здесь. Довольно легкая работа для человека с твоими способностями – я ведь знаю, на что ты способен, не забывай об этом! – Он помолчал, ожидая какой-то реакции от Фредегара, но тот молчал. Аббат вздохнул и продолжил: – Мой трактат о святой литургии... кто-то должен проверять мои записи. Ты сможешь спать в библиотеке. Там не спит никто, кроме Гундульфа, а он глух как пень.

Ратрамнус выдержал паузу, словно взвешивая на руке вощенные дощечки. Он явно еще не закончил, и Фредегар ждал, что он еще скажет.

– А теперь вот это, – продолжал аббат. – Послание от моей родственницы. Дальней

родственницы. Она была послушницей в Шелле, но потом вышла замуж, а затем вышла замуж еще раз, за англичанина. Из одного северного королевства. Посыльный сказал, что она ищет духовника. Неужто у них там совсем священников не осталось? – Он умолк и вопросительно посмотрел на Фредегара. – Знаешь, в нашей библиотеке тепло. А ведь там говорят по-английски. Не думаю, что ты знаешь английский.

– Я слышал, как на нем говорят. Франкский и английский – довольно близкие языки. – Никто не узнает его в Нортумбрии. Никто не ожидает встретить его там, никто не станет сравнивать того, кем он был когда-то, с тем существом, в которое он, похоже, превратился. – Где находится это место?

– Где-то посреди просторов Британии. Дикий английский уголок. – Ратрамнус покосился на свои записи. – Как у тебя с почерком? Свой почерк даже я не разберу. Знаешь, Фредегар, это было бы хорошим подспорьем в моей работе – иметь под рукой кого-то, кто может разборчиво писать. – Он протянул ему небольшую прямоугольную дощечку из дерева. – Что здесь написано? – Он ткнул пальцем в текст.

– На букву «Д»?

– *Донмут*, – сказал Ратрамнус. – Теперь я припоминаю. Там есть монастырь, ему лет сто. Даже больше. Но не думаю, что он набрал силу. Слишком далеко от Йорка. – Он посмотрел по сторонам. – Это ведь не здесь, а в английских королевствах, да к тому же в наши-то дни. Там нет монахов. Половина аббатов там обычные миряне, и даже епископы умудряются жениться.

Фредегар кивнул.

Ратрамнус неодобрительно фыркнул:

– Тебе не обязательно ехать туда, Фредегар. Там не будет библиотеки. Не будет скриптория. Не будет других священников, насколько я знаю. Возможно, какой-нибудь мальчишка, который будет звонить в колокол. А может, и его не окажется. – Он снова фыркнул. – Возможно, даже и самого колокола не будет.

Фредегар закрыл глаза.

– Отец, с вашего позволения, я отправлюсь в Донмут. – Для его языка было непривычно выговаривать такое сочетание согласных.

Ратрамнус кивнул:

– Ну хорошо. Жаль. – Он выдержал долгую паузу. – Знай, что, если у тебя что-то не заладится там, здесь для тебя всегда найдется место. Пока я тут настоятель.

– Да, отец. – Фредегар нагнулся, чтобы поцеловать ему руку, прежде чем уйти.

– Мы снарядим тебя в путь. По земле сначала, а потом, думаю, из Дорстада, морем. Я дам тебе рекомендательные письма для Вульфхера из Йорка и для других епископов. – Ратрамнус снова умолк, и взгляд его устремился куда-то вдаль. – Гексхэм, Линдисфарн... По-моему, был еще один. И еще...

Фредегар замер в дверях, выходящих на залитый солнцем двор.

– Да, отец?

– То, что случилось тогда в Нуайоне, – *что бы там ни случилось*, – в том не было твоей вины.

– Да, отец.

Приближалась середина лета. Шли последние приготовления к ежегодному сражению между поместьем Донмута и донмутским монастырем. Прошло уже несколько часов с того момента, когда местный лорд и его брат, новый настоятель аббатства, стоя на насыпи, вместе швырнули в толпу бочонок. В сражении они участия не принимали.

«Жаль», – подумал Хирел, глядя на стоящих рядом Радмера и Ингельда. Хотя они и мало походили на родственников, оба были крепкими мужчинами, которыегодились бы в хорошей стычке. Но, конечно, не в этих своих роскошных нарядах! Сам Хирел был обнажен до пояса и находился в самой гуще схватки, где большую часть времени толкался изо всех сил. Как и большинство игроков, он очень коротко обреза л перед сражением волосы и бороду, чтобы противник не мог за них ухватиться. Он понятия не имел, где может быть та маленькая бочка, за которую все они сегодня дрались, но ему это было и не важно. Главное, он был в самой сердцевине этой обезумевшей массы мужчин, напиравших друг на друга, словно быки, в этом густом удушливом воздухе, пропитанном тяжелым запахом потных тел, где заботит лишь одно: устоять на ногах, удержаться под напором людей из монастыря. Да и хорошо, наверное, что аббат тоже не принимает участия в этой игре: с такими широченными плечами он был противником, с которым пришлось бы считаться любому. Хирел мог бы пасти и монастырских овец – точно так же, как и стада поместья, но он прекрасно знал, что такое истинная преданность.

Удерживаться на ногах становилось все труднее. На прошлой неделе прошли дожди, так что трава была скользкой, а земля под ногами – мягкой, пропитанной влагой. За несколько часов борьбы они уже размесили ее в маслянистую грязь. Хирел упирался ногами и руками одновременно, стараясь удержать громадную неподвижную стену мужчин, чтобы кто-нибудь из маленьких проворных людей поместья мог найти деревянный бочонок и убежать с ним, как заяц от волков. Противники сошлись на всем промежутке в три мили между поместьем правителя и монастырем, но обычно главное сражение проходило здесь, у ручья, возле рошцы ясеней, как раз на полпути между монастырем и главной постройкой поместья. Именно здесь и бросали бочонок, да так, что он исчезал в ветвях деревьев, и частенько его до конца дня так и не находили. С приходом недолгой летней ночи кто-то предложит сделать перерыв. Солнце уже начало клониться к вершинам холмов на северо-западе. Не один год им приходилось сражаться под дождем; в этом же году солнце светило от восхода до заката, отражаясь в реке и эстуарии, золотя холмы и помогая наливаясь соком травам.

В этот момент на свете не существовало ничего, кроме битвы, горячих, напирających, рычащих и извивающихся тел. Хирел пригнул голову и вновь развернул плечи, пытаясь сохранить устойчивое положение. Многие использовали игру в бочонок, чтобы свести старые сче ты, но он никогда не имел к этому отношения. Все это делалось исключительно для удовольствия, для радости от того, что потратил все свои силы, что был частью этого многоголового сбирища, объединенного одной целью.

И он находился в самом сердце этого действия.

Прошло уже много лет с тех пор, как он участвовал в подобной битве в другом месте. Хирел уже и не помнил те времена, когда он был подростком, одним из юношей, метавшихся по краям толпы мужчин и выискивавших место, куда приложить свой небольшой вес, прежде чем схватка вытолкнет их, запыхавшихся, раскрасневшихся и блюющих. Он слышал, что однажды, задолго до его рождения, в такой схватке за бочонок сломали ногу Луде, стюарду, когда на него навалилась ничего не замечающая толпа.

Тогда он, конечно, был не стюардом, а просто мальчишкой. Трудно представить, чтобы

это угрюмое вытянутое лицо с постоянно подозрительным выражением могло принадлежать мальчику. Рассказывают, что леди Абархильд тогда соединила кости ноги, но с тех пор Луда сильно хромал, он даже ходить прямо не мог, не то что играть в бочонок. Мысль о телесной слабости Луды принесла Хирелу порочное и запретное удовольствие. В течение года этот человек мог держать народ в узде, но сегодня, в этот день из дней, он, простой пастух, был здесь более ценным человеком.

Он мог видеть только головы и плечи – ничего больше; ощущал лишь предательски скользкую землю под ногами и давление со всех сторон громадной обезличенной человеческой массы, такое, что трещали ребра и трудно было дышать; не чувствовал ничего, за исключением густого и удушливого запаха пота. Однако он мог слышать толпу. Возбужденные вопли и призывы женщин и детей; выкрики стариков, дающих советы и поощряющих борющихся. Многие из зрителей взобрались на деревья, чтобы попытаться увидеть или угадать, где в этой давке может находиться бочонок, и оттуда бросали подсказки по стратегии и тактике сражения. Вдруг откуда-то прямо перед Хирелом появился русоволосый дьякон Хихред, который с хрипом и стонами упирался прямо ему в плечо. Но Хирел стал давить еще сильнее, глядя Хихреду в глаза и радостно смеясь ему в лицо.

А затем наступило одно из тех странных затиший, которые время от времени случались по какому-то безмолвному согласию сторон. Пауза эта начала распространяться от центра: люди пытались отдышаться, вытирали пот, наклонялись вперед, упираясь руками в колени, чтобы сохранить равновесие. И переглядывались, отправляя друг другу молчаливые послания относительно того, где приложить силы. Хирел знал, что многие такие взгляды сейчас устремлены на него как на самого крупного и сильного бойца Донмута. Что-то заставило его посмотреть поверх голов соратников и противников, в ту сторону, где на склоне холма в плотную группку сбились девушки, которые хватали друг друга за руки и указывали пальцами на сражающихся. Смеялись. Они были тайной для него, эти создания с нежными лицами, которые брали шерсть его овец и чудесным образом превращали ее в тонкую ткань с помощью каких-то секретных приемов. Все вокруг говорили, что ему нужна жена. После смерти леди дела с переработкой молока шли неважно. От девушек исходило какое-то розовое сияние, и в своем приподнятом и восторженном состоянии Хирел уже не мог толком определить, то ли это солнце так освещало их своими золотистыми лучами, то ли они сами светились внутренним светом. Там была и белокурая дочка Луды, о которой говорили все. Она смотрела на него. Да, она смотрела прямо на него.

К действительности его вернул рев, прокатившийся по толпе.

Солнце уже село, и постепенно начали сгущаться сумерки. Толпа раскачивалась и кренилась, а затем вдруг рванула в сторону поместья. Женщины и дети бросились врассыпную, визжа от возбуждения, а все сборище медленно и неуклюже двинулось за ними. Внезапно что-то ткнулось Хирелу в живот. Опустив глаза, он увидел, что в руки ему суют бочонок. Он без колебаний нагнулся, крепко обхватил его и неумолимо устремился вперед, двигаясь зигзагами через разгоряченную толпу, словно это были не крепкие мужчины, а заросли тростника. Он знал, что может опередить большинство тяжеловесных бойцов монастыря, а у тех, которые были проворнее его, не хватило бы сил вырвать у него бочку. Просто выбраться из толчеи, протащить ее пару фэрлонгов^[16], а там можно уже и передать кому-то из своих сотоварищей, способных быстро бегать. Он огляделся в поисках союзника. Вероятно, это должен быть Видиа – егерь поместья, жилистый и ловкий, который славился беспощадностью в этой игре. Но когда Хирел выбрался из давки, никого поблизости не

оказалось, так что он просто наклонил голову и бросился вперед...

Во двор поместья его внесли на руках. И каждый выкрикивал его имя.

Все было готово для пира, и они тут же навалились на еду, все еще измазанные в грязи, но теперь уже закадычные друзья – люди из монастыря и поместья. Это было лучшее сражение за бочонок за все времена. Про эту победу можно было сложить гимн, прославляющий самоотверженных бойцов. В воздухе плавал аромат жареной свинины, были открыты самые большие бочки с южным вином. Впервые в жизни Хирел оказался за стоящим на возвышении столом в таком блестящем окружении – с Радмером, повелителем Донмута, с его братом-аббатом, с леди Абархильд и ее внучкой, со всей верхушкой поместья и монастыря, а его победный бочонок, украшенный гирляндой из плюща, стоял на доске, покрытой холстом, прямо перед ним. Он смотрел на женщин, двигавшихся по залу с полными тяжелыми кувшинами, и они казались ему ангелами с небес.

Это событие должно было стать легендой. Двадцать, тридцать лет спустя, когда он уже будет стариком, на него будут показывать пальцами сыновья тех, чьи отцы сейчас сами были подростками, и будут рассказывать им, как Хирел, простой пастух из поместья Донмут, выиграл бочонок.

Он плавал в море всеобщего одобрения, приправленного сладким вином и ароматным элем, наслаждаясь незнакомыми вкусами и редкими удовольствиями. Хрустящая жирная корочка на жареной свинине. Зайчатина. Гренки, обжаренные в яйце с какими-то специями, которых он никогда раньше не пробовал.

По мере того как кувшины двигались по кругу, в зале становилось все более шумно и тепло, а шутки и шалости делались все более смелыми. Посреди всего этого веселья выделялся дьякон Хихред, втянутый в какую-то замысловатую питейную забаву. Женщины ушли. И это было правильно.

Луны в эту ночь не было. Взор Хирела уже затуманился, и он глубокомысленно кивал сам себе. И вполне осознанно. Кто знает, какие опасности таит в себе эта летняя сказочная – *трауи*^[17] – ночь? Он рывком поднялся со скамьи и встал на ноги. Он был героем этого часа и поэтому должен быть в центре зала и в гуще всех игр. Под рев толпы он шагнул с помоста, и собственное имя, повторяемое десятками людей, звучало в ушах его сладкой музыкой.

И он вдруг поймал себя на том, что жалеет, что женщины ушли. Ему хотелось, чтобы они тоже восхищались им. Чтобы та, светловолосая, снова посмотрела на него.

– Все. Довольно. Ты слышала мой ответ. – Радмер встал, едва не коснувшись головой низкой балки. – Ты остаешься в поместье. Пока что ты нам нужна здесь – до поры до времени.

Абархильд что-то сердито прошипела сквозь зубы. Теперь уже оба сына перечат ей. Ее сыновья, которые никогда, *никогда* и ни в чем не соглашались друг с другом. Альфа и омега ее материнства в этом английском браке. Двое выживших детей.

Радмер, который с первого момента своей жизни, как только оказался у нее на руках, смотрел на нее этим жестким осуждающим взглядом – как сейчас. И Ингельд, неожиданное дитя, появившееся под Праздник урожая, когда она уже считала, что не способна к деторождению. Ингельд, причинивший ей столько боли.

Столько боли и столько радости. Внезапно ей явилось видение: он, словно кузнец,

сжимает ее сердце парой щипцов, разогревает его до белого каления, до агонии, а потом снова и снова бьет по нему молотом; видение было настолько реальным, что она даже почувствовала на лице жар от воображаемого кузнечного горна.

– Время? Это роскошь, которой я лишена. – Она взглянула на своего старшего сына. – Мне необходимо прийти в согласие с Господом. Мне нужен мой собственный духовник. – Тихое пристанище для души в монастыре и наставник, который поможет ей подготовиться к встрече с Небесами. Почему они так расстраивают ее? Неужели еще не заметили, что человеческая жизнь коротка?

Радмер покачал головой:

– Мы рассчитываем на тебя здесь, в поместье, мама. Ты настояла на том, чтобы его, – он указал подбородком на брата, – назначили сюда, в Донмут, и я согласился вопреки своему желанию. – Скрестив руки на груди, он смотрел на нее. – Мы десять лет не назначали нового настоятеля в монастырь Донмута, пока ты ждала, чтобы он достаточно вырос для этой роли. А теперь ты хочешь, чтобы здесь было сразу два священника?

Она досадливо поцокала языком.

– Если тебе нужна хозяйка в поместье, заведи себе новую жену. Или отдай мои ключи Элфрун.

– Элфрун еще ребенок.

– Вздор! И ты это прекрасно знаешь. – Она обернулась к своему младшему сыну. – А ты? Я думала, что ты соберешь здесь просвещенных людей. Чтобы не чувствовать себя одиноко. Чтобы не отправляться раз за разом в далекое и тяжелое путешествие в Йорк для душевных бесед с архиепископом! Это ведь очень утомительно для тебя.

Ингельд долго пристально смотрел на нее.

– Это вовсе не утомительно, мама. Вульфхер – мой добрый друг. – В уголках его губ зародилась улыбка, собрав в складки кожу вокруг его теплых карих глаз, что вызвало у нее еще большее раздражение. На лице его играли золотистые отблески пламени очага. – Но еще один священник в Донмуте означает, что кое-кто здесь будет неодобрительно относиться ко мне. А зачем мне это нужно? – Он покосился на брата. – Как будто в этом смысле недостаточно того, что делает Радмер.

– Да и откуда он должен появиться, этот новый священник? – Радмер сделал два широких шага и вынужден был развернуться: его кипучей энергии было тесно в этой комнате. Абархильд хотелось, чтобы он перестал вышагивать. Он напоминал ей льва в клетке, которого она видела очень давно, когда еще была маленькой, во время посещения двора императора в Аахене: та же с трудом скрываемая ярость, тот же тусклый холодный взгляд. – Кто его будет кормить? Кто приютит его? Священники обходятся недешево. У монастыря множество других нужд, помимо нового священника. Например, там нужен свой кузнец...

Но Абархильд уже не могла сдерживаться.

– Я сама займусь решением этих проблем. – Она подняла глаза на старшего сына. Он высился над ней, словно башня, и ей это не нравилось. – У меня есть мои утренние дары. – Все эти долгие и тяжелые годы она черпала силы и утешение в лесах и полях, отправляясь туда наутро после каждой свадьбы. Этого было более чем достаточно.

– Радмер, а тебе-то, собственно, что с того, если в монастыре появится еще один священник? – На губах Ингельда по-прежнему блуждала улыбка, выводившая из себя остальных. – Это ведь, разумеется, мое дело, не твое, верно?

– Твое дело? – Радмер резко обернулся и ткнул пальцем в сторону брата. – Все эти годы ты в праздности жил в доме Вульфхера, а мы с Хихредом занимались делами монастыря, постоянно, день за днем. Я хорошо знаю земли монастыря, его доходы и его расходы, тогда как ты не имеешь об этом ни малейшего представления. При этом ты не дал монастырю даже общипанной курицы, в то время как он кормит тебя и позволяет одеваться в шелка.

– Радмер! – Абархильд почувствовала привычную уже тяжесть под ребрами. – Ингельд теперь – пастырь Божий. *Pro amur Deo*, имей к этому хоть какое-то уважение.

– Пастырь Божий, – презрительно бросил Радмер. – *Ингельд*.

Сердце сдавило сильнее, чем обычно. Она плотно сжала губы и вцепилась пальцами в свой посох, жалея, что не может стукнуть его им, как это делала когда-то. Ингельд, может, и виноват, поддевая своего брата, но Радмер, конечно, мог бы быть выше этого. Можно было надеяться, что разницы в возрасте в двенадцать лет будет достаточно, чтобы развести ее детей на какую-то дистанцию.

Но нет, никогда этого не было. Все и всегда происходило именно так. Большой поросенок и маленький, оба визжат и рвутся к одной и той же сиське. И у обоих острые зубы.

В такие моменты ее невыносимо тошнило от всего этого.

– Если у нас в монастыре Донмута будет второй священник, – мягко сказала она, обращаясь к младшему, – он сможет взять на себя все обязанности пастора. А у тебя освободится время, которое ты сможешь проводить в Йорке. – Протянув руку, она кончиками пальцев погладила его запястье. – Если так тебе будет лучше. – Пусть вдали от нее, но он будет счастливым. В версии Абархильд их семейной истории она всегда хотела лишь одного – чтобы он был счастлив.

– Чтобы пить там вино архиепископа, – вставил Радмер. – Что ж, все лучше, чем пить мое.

Губы Ингельда снова скривились.

– Да, у Вульфхера вино положительно получше.

Радмер в последний раз резко развернулся и вышел из бауэра^[18] Абархильд.

Схватиться за посох, да покрепче. Никогда не показывать им, насколько ей плохо. Жар и боль были почти невыносимыми.

– Ты ведь никогда не сдаешься, мама, верно? – Ингельд присел на корточки рядом с ней и положил руку ей на спину теплым и поддерживающим жестом. – Ты будешь как уютно вертеться и изворачиваться, если это помогает тебе идти к твоей цели. А что касается обязанностей пастора, то сейчас их в любом случае выполняет Хихред. – Он усмехнулся. – Я недостаточно хорош у смертного одра.

– Ингельд, Ингельд... – Она пыталась противостоять чарам его спокойного обворожительного голоса, теплоты его присутствия. Вот кому нужна твердая рука. – То, что ты снова здесь, должно было стать большим утешением. А на деле одни неприятности. – Он сейчас сидел на корточках у нее за спиной, и она не могла, не обернувшись, сказать, произвели ли ее слова какое-то впечатление на него. Она даже не была уверена, что хочет видеть его лицо. – Ну почему ты не можешь быть хорошим священником? В тебе ведь столько хорошего.

– Хороших священников не бывает, мама. – Он слегка потряс ее за плечо. – Мы все просто люди, и тебе это хорошо известно. Слабые падшие люди, реагирующие на фазы луны.

Она высвободилась из-под руки сына, продолжая цепляться за остатки своего гнева на него.

– Йорк все еще манит тебя.

– Да.

– Женщины? Выпивка? Азартные игры?

– Охота, – с готовностью ответил он. – Лошади.

– Что ты с собой делаешь!

Он передвинулся так, что теперь мог смотреть ей прямо в глаза.

– Ты хотела бы, чтобы я тебе солгал? Я раньше этого не делал и не собираюсь начинать. – Он сокрушенно покачал головой. – Там мои друзья. И в Йорке есть книги. Исидор, Плиний, Вергилий, Овидий. Мы с Вульфхером беседуем о звездах. О времени, о приливах и отливах, о том, как можно добраться до Иерусалима. О чудовищах мирового океана. О том, где высиживают птенцов казарки и куда улетают на зиму ласточки. – Он приобнял ее за плечо. – Не беспокойся обо мне.

Теперь, когда она стала старой, уродливой и сварливой, никто уже не прикасался к ней, тем более с таким чувством. Все эти годы, пока он жил в Йорке, она очень скучала по нему и с нетерпением ждала его приезда. И каждый раз его голос и лицо придавали этим встречам волшебное очарование. Жаркая боль стала уходить, осталось лишь легкое тепло, мягкая вялая тяжесть. Абархильд готова была пожертвовать чем угодно, лишь бы удержать его возле себя.

– И куда же улетают на зиму ласточки? – Она снова прижалась к нему, словно это она была ребенком, а он – ее отцом, рассказывающим какую-то историю, чтобы ее успокоить.

– Что ж... – Она почувствовала в его голосе улыбку и любовь. – У Исидора мы прочли, что они летят за море, а Плиний утверждает, что они держат путь к солнечным долинам высоко в горах...

– Но?..

– Но я предпочитаю сказку о том, что они собираются в большие шары – *конглобуланы* – и проводят зиму на дне прудов. Словно лягушечья икра, только из птиц. – Он слегка сжал ее плечо. – Ты получишь своего духовника, мама, хотя бы лишь потому, что Радмеру это не нравится. Есть у тебя кто-то на примете?

– Я уже послала запрос, – ответила она. – Несколько недель назад, в Корби. Местный настоятель и мой родственник Ратрамнус подберет мне кого-то.

8

Стрела вонзилась в ствол дерева в каком-то ярде от головы Атульфа.

Обернувшись, он застыл и уставился на нее, словно не веря своим глазам. Наконечник глубоко вошел в гладкую белую кору стройной березки. Когда древко перестало дрожать, он обратил внимание на то, что оперение сделано из пера лебедя.

А в Донмуте все использовали для этих целей только перья серых гусей.

Но в данный момент он был на противоположном от Донмута берегу реки.

Внутри у него все сжалось. Он медленно повернул голову, шаря глазами по сторонам, пытаясь уловить в густой летней листве деревьев малейшие изменения света и тени, движения и покоя. Ремни его пращи выскользнули из онемевших пальцев.

Видиа предупреждал его, что нельзя переправляться через реку.

– Что, если ты наткнешься на волка? Или и того хуже – на дикого вепря? Я не знаю лесов в Иллингхэме. Там может быть все, что угодно.

Атульф тогда ошетинился. Что еще он должен сделать, чтобы завоевать доверие Видиа?

– Я справлюсь.

Видиа только пожал плечами:

– Тогда не вини меня, если пострадаешь.

– Ничего со мной не случится.

Но егерь его дяди лишь как-то по-особому поднял свою темную бровь – при воспоминании об этом щеки Атульфа снова начали гореть. *А что, если тебе встретится кое-что похуже?..*

Ну что может быть хуже вепря?

Люди.

Их было по меньшей мере трое. И один из них отлично стрелял из лука, раз смог сделать такой точный предупредительный выстрел из густого подлеска.

Проклятый Видиа! Ну почему он всегда оказывается прав?

– Назови свое имя!

Они до сих пор не вышли из плотной поросли кустов орешника, но он понял, что говорил стоявший в центре. Главный, с луком в руке, а двое по бокам защищали фланги.

– Атульф. – Получилось тихо и хрипло, как будто произнесенное слово царапало горло изнутри. Он нервно сглотнул и постарался говорить громче и более низким голосом: – Атульф Ингельдинг.

Теперь он мог рассмотреть их лучше. Старше его, но ненамного.

– И что ты делаешь в моем лесу?

В его лесу? Атульф медленно поднял руки.

– Охочусь, – честно признался он. – Правда, неудачно. – Он откинул свой плащ за спину, чтобы они увидели, что на поясе у него висит лишь зайчонок и связка из нескольких молодых уток. Его одолевало желание признать свою вину и извиниться.

Юноша, стоявший в центре, сделал пару шагов вперед. Он был высок, худощав, с копной темно-рыжих волос и скулами, которые выступали под загорелой кожей, словно два сжатых кулака.

– Из Донмута?

Атульф кивнул.

– Не думал, что у правителя Донмута есть сын. – В его голосе Атульф уловил сомнение в его правдивости. – Я слышал только про дочь.

– Радмер мой дядя.

Атульфу было плохо видно остальных двоих, которые продолжали держаться в тени. Один темноволосый и коренастый, второй – хрупкого сложения и с более светлыми волосами. Оба не шевелились.

Незнакомец с бронзовой шевелюрой прошел мимо Атульфа, чуть не задев его, и начал вытаскивать стрелу из ствола березы, потихоньку раскачивая маленькое страшное жало. Двое остальных подошли ближе.

– Ты мог убить меня этим.

Один из незнакомцев, темноволосый, рассмеялся, но лицо высокого осталось бесстрастным.

– Если бы я хотел тебя убить, – сказал он, – то убил бы. – Еще один рывок – и стрела высвободилась. Высокий юноша обернулся и посмотрел Атульфу в глаза. – Я уже видел тебя раньше. – Он нахмурился.

Атульф не мог вспомнить, и тот нахмурился еще сильнее.

– На весеннем празднике, три месяца назад. Скачки, ты еще ехал на том неуклюжем маленьком пони. С той девушкой. Но я не знал, что ты из Донмута.

На лице парня появилась полуулыбка-полуухмылка, и Атульф решил, что выражает она презрение. Он покраснел. Скакать на Эппл было плохо само по себе, но хуже то, что его обогнала Элфрун. А самое ужасное – иметь такого свидетеля своего унижения. Ему хотелось сказать что-нибудь остроумное, едкое, но в голову ничего подобного не приходило.

Наконец парень пожал плечами:

– Подними свою пращу.

Но Атульф не двинулся с места.

– Кто ты? – Последние десять лет на другом берегу реки находилось богатое имение самого короля, и местного управляющего мало заботило, кто может шататься по этим лесам и болотам. – И что ты здесь делаешь?

– Я Танкрад. И сейчас это земли моего отца.

– А он кто?

– Тилмон. А с прошлой недели Тилмон из Иллингхэма. Свита – моя мать.

Атульф застыл. До Донмута эта новость еще не дошла. Если бы об этом стало известно, это была бы главная и единственная тема разговоров.

Выходит, еще никто ничего не знает.

Тилмон из Иллингхэма.

– Пойдем, – сказал Танкрад и рукой указал на лежащую на траве пращу. – И подними вот это.

Кровь ударила Атульфу в голову.

– Ты не можешь приказывать мне! – Он не собирался шарить в крапиве по требованию сына известного предателя, в каком бы фаворе тот ни находился у короля в настоящий момент. В кожане всегда можно стащить кусок кожи, чтобы сделать новую пращу. Он с вызовом выставил вперед подбородок. – Ты меня не заставишь.

Долгое время никто не двигался с места и не произносил ни слова. Атульф сумел выдержать пристальный взгляд Танкрада, но он все время помнил о его спутниках, особенно о темноволосом, лицо которого скривилось в презрительной гримасе, а кулаки угрожающе сжались.

– А я его знаю, – насмешливо сказал темноволосый. – *Ингельдинг*. Его отец аббат.

Атульф напрягся.

Танкрад пожал плечами.

– Какое имеет значение, кто его отец? – Он снова повернулся к Атульфу. – Забирай свою пращу и уходи. – Он мотнул головой в сторону реки.

Атульф скрестил руки на груди.

– Я уже сказал тебе. Заставь меня.

Темноволосый вскипел и шагнул вперед, но Танкрад жестом остановил его и сказал:

– Прекрати, Аддан.

– Нам следует хорошенько проучить его.

– Почему? Ничего плохого он не сделал. – Танкрад снова взглянул на Атульфа и пожал плечами. – Делай как знаешь. Мне все равно.

Атульф развернулся, сохраняя надменный вид, на какой только был способен, и направился к реке, не исключая, что стрела вопьется ему между лопаток. Кровь отхлынула от лица, ему вдруг стало холодно, походка сделалась шаткой. Когда он уже был уверен, что его

никто не видит, он прислонился к дуплистому стволу старой ивы, судорожно сглатывая горячую желчь, жгучей волной поднявшуюся откуда-то из глубины желудка к горлу. Смерть была совсем близко.

Но он настоял на своем.

Один против троих. Когда испуг стал проходить, на смену ему пришли тонкие ручейки удовлетворенности, живые и приятные, как потоки, пронизывавшие воды реки в момент встречи с соленой водой эстуария. Он с опозданием осознал, что эта перепалка была, пожалуй, даже интересной. Танкрад не хотел ссоры, хотя они были вдвоем против одного. А вот угрюмый Аддан был не прочь подраться, но Танкрад остановил его.

Может, он испугался?

Но потом была эта слабая улыбка, такая обидная... И была еще стрела, пронесшаяся так близко, что Атульф почувствовал щекой дуновение ветерка от ее полета.

Атульф встрепнулся, вернувшись от воспоминаний к действительности. Судя по ряби на воде, скоро должен начаться прилив. Если он собирается переходить реку вброд, делать это нужно прямо сейчас, пока воды из эстуария не затопили эту узкую протоку.

А еще он понял, что принесет домой важные новости. *Тилмон из Иллингхэма*. Возможно, никто в Донмуте – как в поместье, так и в монастыре, – и не скажет ему «спасибо» за такое известие, но они все равно должны знать об этом.

9

– Что касается моего замужества... – Сетрит огляделась, чтобы убедиться, что ее слушают. Она еще больше понизила голос, и девушки склонились к ней. Лучи солнца играли на ее распущенных локонах, светлых и блестящих, как только что вымоченный лен. – Так вот, моим мужем станет достойный мужчина. Вы ведь понимаете, что я имею в виду? Я тут поглядываю... – Глаза ее сияли от возбуждения, а влажные губы были приоткрыты. – У меня уже есть кое-кто на примете. Особенно один, и мне очень жаль, что придется выбирать...

Раздалось приглушенное хихиканье, и Абархильд резко подняла голову.

Мгновенно воцарилась тишина.

Все они находились на улице, потому что летнее солнце очень скудно освещало внутреннюю часть сарая, служившего ткацкой мастерской. От вони, исходящей из чанов для нечистот с плохо подогнанными крышками, у девушек слезились глаза и постоянно текло из носа, так что даже Абархильд согласилась на то, чтобы часть работ выполнялась на свежем воздухе. «Только сначала убедитесь, что привязали всех коз». Поэтому они сейчас сидели на траве, образовав неправильный круг и склонив головы над чесальными гребнями и маленькими ткацкими станками для плетения тесьмы. Абархильд примостилась на низеньком табурете, одним глазом глядя на свое рукоделие, а другим – на своих обманчиво кротких подопечных.

Элфрун расположилась у ног своей бабушки вне круга девушек, сидевших лицом друг к другу. Она пришивала новую окантовку к юбке своего синего платья. Атульф, возможно, и обогнал ее ростом, но она в последнее время заметно подросла, и теперь бабушка сердито разглядывала ее незагорелые запястья и щиколотки, которые уже не скрывала одежда.

– Ты как-то разом вытянулась и вверх и вниз, – заметила она, потирая ворс синей ткани своими узловатыми пальцами. – Но не вширь. Так что в новом платье нужды нет. Пока что нет. Это еще носить и носить. И я хотела бы видеть в тебе больше сдержанности. *Deo amur*,

Элфрун! Пора уже вести себя, как подобает дочери такого отца.

Сетрит снова заговорила, тихо, но оживленно, и все девушки слушали ее. Элфрун ничего не могла разобрать, правда, она не была уверена, что хочет все это слышать. Честно говоря, эта Сетрит злила ее – и этим своим чувственным придыханием, и округлыми формами, и таким видом, будто она знает больше, чем ей следует. У Сетрит раньше всех них начались месячные, и она планировала первой выйти замуж. Она была дочкой Луды, стюарда их поместья, и одного с Элфрун возраста, и, казалось бы, кому, как не Сетрит, было стать ее лучшей подругой в Донмуте – это было бы естественно. Но на самом деле Сетрит всегда раздражала ее, словно острый камешек, попавший в башмак.

И в этом не было вины Элфрун. Она-то как раз готова была дружить с Сетрит, но та всегда пресекала ее порывы острым словом и высокомерными взглядами.

Послышался всплеск приглушенного смеха, и Сетрит, повернувшись, с вызовом посмотрела на Элфрун.

– Что такое? – встрепелась Абархильд.

Сетрит пожалала плечами, улыбнулась, но взгляда не отвела.

– Да что такое, девочка? – Абархильд оторвалась от своей работы. – Если тебе есть что сказать, поделись со всеми нами.

Сетрит с притворной застенчивостью потупилась:

– Простите, леди.

Абархильд только фыркнула; Элфрун надеялась, что ее бабушку так просто не проведешь. Она раздраженно ткнула иголкой в синюю ткань и попала в кончик большого пальца. Сдержав крик, она отдернула руку и сразу сунула палец в рот, чтобы не перепачкать кровью одежду; надеясь, что никто этого не заметил, она опустила голову и уставилась на кустик «коровьей петрушки» – бутня, растущий рядом, который только-только выбросил первые цветки. Боль для такой незначительной раны была на удивление сильной, и Элфрун прикусила кончик пальца, чтобы перебить ее другой болью, управляемой. По стебельку бутня маленькой красной капелькой ползла божья коровка.

Абархильд по-прежнему смотрела на Сетрит своими по-старчески слезящимися глазами. Из пекарни потянуло знакомым запахом свежего хлеба, а со склона холма позади двора донеслась булькающая трель кроншнепа.

Сетрит наконец сдалась:

– Простите, леди. Мы говорили про свадьбу. – Она снова бросила дерзкий взгляд на Элфрун. – Мы тут гадаем, кто может захотеть жениться на Элфрун.

– А это не ваше дело. – Глаза Абархильд на фоне морщинистой и обвисшей кожи лица были похожи на два кремня, готовые высечь искру. Уже через миг Сетрит не выдержала и отвела взгляд. – А ну-ка покажи мне свою работу! – Абархильд ткнула своим посохом в ее сторону, и серебряный с позолотой набалдашник сверкнул на солнце.

– Зачем?

В девичьем кружке прокатился испуганный ропот.

– Хочу посмотреть, так ли хорошо у тебя получается ткать, как чесать языком, распуская сплетни.

Сетрит поднялась на ноги и сделала несколько неуверенных шагов вперед, держа свой станочек перед собой, словно от него дурно пахло.

– Ближе.

Еще два шага, и посох Абархильд резко ударил снизу по ткацкому станку, выбив его из

рук Сетрит вместе с тесьмой, и все это упало в высокую траву.

– Мне и смотреть не нужно. Я хорошо знаю тебя, неуклюжая лентяйка. И вы, девочки, вы все такие. Меня просто тошнит от вас. Подними, распусти и начинай заново.

Элфрун опустила голову, с трудом сдерживая улыбку.

Сетрит сердито нахмурилась, потирая ушибленные пальцы правой руки.

– А что, если я не стану это делать?

– Я поколочу тебя, и ты это прекрасно знаешь, толстая бездельница. А потом тебя еще и отец побьет.

Вздохнув, Сетрит закусил губу. Она хотела еще много чего сказать, но ее остановил неистовый крик, донесшийся со стороны холма.

– Прочь с дороги, вы все – прочь с дороги!

Из-за деревьев на заросшую травой поляну, где сидели девушки, выбежал какой-то светловолосый мужчина. Все вскочили и уставились на него. С той стороны, откуда прибежал этот человек, слышался глухой топот копыт.

– Вепрь... – Запыхавшийся мужчина с судорожно вздымающейся грудью согнулся пополам, пытаясь отдышаться. Это был Данстен, оруженосец Радмера.

– Так это за тобой гонится вепрь? – Абархильд с трудом поднялась со своего табурета, и ключи у нее на поясе тихо звякнули. – Он бежит сюда?

– Нет... нет... Видиа... – Он задыхался. – Вепрь напал... Леди, ему нужна ваша помощь.

– Видиа ранен? – рванулась вперед Сетрит; лицо ее было бледным, а уголки губ испуганно опустились.

– Да, – кивнул Данстен, все еще тяжело дыша. – Он пропорол его клыками. По ребрам. И по лицу.

Девушки начали собирать свои станочки и рукоделье и стали перебираться через ограду, когда из-за гребня холма появились две лошади, одна из них без седока; позади них бежали свора собак и несколько парней. Приглядевшись, Элфрун поняла, что среди них были Атульф и Кудда, помощник кузнеца. Впереди на Буре скакал ее дядя Ингельд. Поперек седла у него лежал какой-то длинный мешковатый сверток.

Нет, это был не сверток. Господи... Человек. Теперь она видела руку, которая безвольно болталась, словно у мертвеца. Видиа...

10

– Мама! Нужна твоя помощь!

Кровь, много крови было на руках Ингельда и его тунике, но гораздо больше ее пропитало насквозь одежду Видиа. Сколько пинт этой жидкости течет по человеческим венам? Светлая шкура Бури тоже была расцвечена красным, и Элфрун удивило то, что кобыла спокойно выносила этот запах.

Абархильд оказалась рядом еще до того, как Ингельд с Данстеном опустили тело егеря на землю.

– Элфрун, вот ключ от хеддерна^[19]. Принеси мне полотно. Чистое, новое. Все остальные – уходите отсюда.

– Он появился словно ниоткуда. – Данстен все никак не мог прийти в себя. – Выскочил из зарослей ежевики и сразу бросился на аббата. Видиа оттолкнул нас в сторону...

– Элфрун, *полотно*!

Она замерла с открытым ртом, уставившись на своего дядю, едва узнавая его. Кровь забрызгала его щеки, пропитала волосы и запеклась на них красными сосульками. В этот момент трудно было представить себе кого-то менее похожего на священника.

— Он поднял его на клыки, — сказал Ингельд. — Я прогнал его.

— *Элфрун!*

Она подхватила свои юбки и побежала в усадьбу. Кладовую в задней части дома держали запертой, и до этого ей еще никогда не доверяли ключ. Замок был тугой, и ей пришлось напрячься, прежде чем дверь со щелчком открылась. Специи, сундук с деньгами, оружие и доспехи отца, а на самой нижней полке — аккуратно сложенные отрезы ткани. Схватив подмышку один из них, она бросилась обратно во двор. Кто-то уже принес воды. Сетрит пыталась протолкаться вперед, чтобы увидеть, что происходит.

— Он умер?

— Девочки, уйдите отсюда. Вы ничем помочь не можете.

Раздался стон раненого, и Абархильд снова склонилась над ним. Элфрун видела большой лоскут окровавленной кожи, свисавший со щеки Видиа, обнажая пятно чего-то бледно-розового и страшного. Она поняла, что это кость скулы, и с отвращением отвела взгляд.

— Пойдем. — Она заставила себя взять Сетрит за руку. — Ты же слышала, что сказала моя бабушка!

Но Сетрит оттолкнула ее локтем.

— Помоги мне снять с него тунуку, — сказала Абархильд. — Да не через голову! Нет, *разрежь* ее, дурачина! У него сломаны ребра.

— Теперь на лице у него будет шрам, — сказала Сетрит. — Если он выживет. — Голос ее звучал тихо, и в нем уже не присутствовала привычная язвительность; Элфрун подумала, что эта девушка потрясена случившимся не меньше, чем она сама. — И не только на лице.

К ним уже скакал Радмер. Элфрун обрадовалась поводу бросить руку Сетрит, чтобы побежать ему навстречу в поисках утешения. Но он с каменным лицом прошел мимо нее, словно не замечая, и сразу направился к младшему брату. Она обиделась, хоть и понимала, что сейчас это неразумно, а затем развернулась и стала наблюдать за ними.

Когда Радмер подошел к Ингельду, гнев его был ясно ощутим, и Элфрун решила, что он сейчас ударит своего брата. Она не слышала, что говорил отец, но в этом и не было необходимости. Выражение его лица было красноречивее любых слов.

— Если Видиа выживет, он останется калекой. — Сетрит по-прежнему была необычно притихшей.

— Нам этого знать не дано, — отозвалась Элфрун; на самом деле она почти не слушала, что ей говорят, полностью поглощенная ожесточенными жестами отца, который в этот момент направил палец в грудь брату.

Ингельд отвернулся и пошел к своей Буре. Радмер последовал за ним и схватил его за плечо, но Ингельд сбросил его руку и вскочил в забрызганное кровью седло.

— Моя вина? Ну в чем же моя вина? — Он потянул за уздечку, разворачивая Бурю.

— Тогда кого в этом винишь ты? — Радмеру пришлось повысить голос, чтобы брат услышал его. — Я уже говорил тебе: можешь сколько угодно играть своей никчемной жизнью, но оставь в покое меня и мою жизнь. Как будто мне больше переживать не о чем, после всех этих новостей насчет Иллингхэма.

Ингельд ничего не ответил. Просто ударил Бурю пятками в бока и пустил ее резвой

рысью. Атульф еще мгновение смотрел на Радмера, а затем тронул Кудду за руку, и оба парня побежали вслед за Ингельдом.

– Я хочу спросить у твоей бабушки. – Голос Сетрит звучал так, будто говорила она сквозь плотно сжатые зубы. – Куда он ранен. Выживет он или нет.

Элфрун по-прежнему не могла оторвать глаза от отца, который продолжал смотреть вслед удаляющемуся Ингельду.

– Не говори глупости! Разве не видишь, что она занята? – Сетрит могла бы и сообразить, что нельзя отвлекать ее в такой момент. – В любом случае, сейчас никто ничего сказать не сможет. Если он выживет, то вполне может полностью выздороветь под присмотром моей бабушки. Монахини ее многому научили, когда она была еще девочкой и жила во Франкии. – Она попыталась вспомнить, что рассказывала ей об этом Абархильд. – Но да, он может остаться калекой. Или выживет, а потом раны начнут загнивать и смердеть – тогда он медленно умрет уже от этого. – Она слышала себя словно со стороны, плохо понимая, что говорит, и стараясь вспомнить, чему ее учила бабушка, – просто для того, чтобы отвлечься от происходящего. – Это было бы ужасно. Но на самом деле никто не знает, что будет дальше.

– Но мне необходимо это знать. Мне нужно знать это *сейчас*. – Лицо Сетрит стало мрачным, как грозовая туча. Она долго застывшим взглядом смотрела на окровавленного Видиа и склонившуюся над ним Абархильд, и Элфрун подумала, что Сетрит вполне может вклиниться со своими вопросами в самый неподходящий момент. Она уже протянула к ней руку, чтобы остановить ее, но в этот миг Сетрит вдруг резко развернулась и, путаясь в своих юбках, стала быстро удаляться.

Элфрун посмотрела ей вслед, но тут же напрочь забыла о Сетрит, потому что рядом с ней возник ее отец; он качал головой, поджав губы.

– Твоя бабушка говорит, что у него сломано три ребра. Глубокая рваная рана в боку. Клык пронзил тело насквозь. И еще лицо. Выбиты зубы. Просто чудо, что ему не размозжило череп. – Он с досадой ударил кулаком по ладони другой руки. – Я говорил, что, если Ингельд станет священником, ни к чему хорошему это не приведет. Говорил всем, и посмотри, что вышло. Твоей бабушке следовало бы строже относиться к нему. И то, что она собирается перебраться в монастырь... возможно, это не такая уж и плохая идея, в конце-то концов.

Данстен и еще один парень принесли грубо сколоченные носилки и, осторожно переложив Видиа на них, понесли его в усадьбу. Выглядело это ужасно и очень напоминало похоронную процессию.

Чтобы отвлечься от этого зрелища, Элфрун ухватила за последние слова отца:

– Она не сможет одновременно управляться и в монастыре, и в усадьбе. Они слишком далеко друг от друга. Работы там очень много, а она уже совсем старенькая.

Радмер рассмеялся. Она не поняла, что вызвало его смех, но вдруг испытала такое облегчение, что тоже засмеялась.

– Ты только ей самой этого не говори. – Он снова нахмурился. – Даже в таком возрасте твоя бабушка прекрасно со всем управляется. Но она заводит старую песню насчет того, что хочет постричься в монахини, чего ей не позволили сделать в юности. Хочет найти себе духовника. Хочет поститься и молиться. Но я сказал ей, что пока этого делать нельзя. Она нужна нам здесь. – В голосе Радмера зазвучали горькие нотки. – Но, похоже, Ингельду она нужна больше.

Сколько Элфрун себя помнила, Абархильд всегда горячо желала уединиться в маленькой монастырской келье и посвятить себя постам и молитвам, а все свое состояние раздать

бедным. И она едва не сделала этого, когда три года назад внезапно заболела мать Элфрун. Неужели это может произойти теперь?

Она потянула отца за рукав.

— Я могу сама делать все, что делает бабушка, — сказала Элфрун, но, правды ради, вынуждена была уточнить: — Ну, почти все.

Однако он уже отвернулся от нее и направился в усадьбу, куда унесли Видиа.

Почему он ее не слушает? Если она сможет управлять поместьем так же хорошо, как это делала ее мать, тогда, вероятно, прекратятся наконец все эти разговоры насчет того, чтобы выдать ее замуж и отослать отсюда. Та встреча с Тилмоном и Свитой на весеннем празднике по-прежнему тревожила ее. *Ты должен ее куда-то пристроить...* Было в этой женщине что-то такое, чему трудно противиться. Не было сомнений в ее благоразумии, а ее уверенность ощущалась почти физически. Но отец Элфрун выдержал, не поддался ей и не сделал то, о чем она просила. Элфрун так и не смогла понять причину сдерживаемой враждебности между ее отцом и новыми хозяевами Иллингхэма, но могла сказать, что рада тому, что он не желает с ними знаться.

Однако они были не единственной угрозой. Она вдруг вспомнила отвратительные топорщащиеся усы кузена Эдмунда, его зловонное дыхание и то, как он на шаткой скамье прижимался к ней.

Ее охватила злость. Как отец мог вот так взять и уйти? Если она чего-то и не знает относительно управления усадьбой, она сможет этому научиться. Она знала Донмут, его ближние и дальние поля, запруды и ловушки для рыбы, напряженный ритм летнего сбора урожая и зимнее бездействие, разные секреты пивоварни и пекарни.

Возможно, ей не хватало мастерства, с каким Абархильд управлялась с ткацким станком, и ее искусства врачевания, но она училась и готова была продолжать учиться, даже если бабушка пострижется в монахини. Насколько легче станет жизнь без постоянного страха перед тяжелой палкой Абархильд и ее жесткими словами! Здесь останутся только она и ее отец, и они будут трудиться вместе.

Но он сейчас уходил от нее, как будто речь шла о прикушенной губе или сбитой коленке...

Элфрун почувствовала острое желание по чему-нибудь стукнуть от злости. Она скрестила руки на груди и сердито надулась.

Но по-прежнему продолжало светить солнышко. И Абархильд в заботах о Видиа забудет и о ней, и о рукоделии. Она может попросить в пекарне половину хлеба и уехать куда-нибудь на Маре, и тогда до конца дня ее вряд ли хватятся.

Ингельд придержал Бурю, и она перешла на шаг. Шок постепенно начал проходить, но он до сих пор переживал тот миг, после которого мир вокруг него рухнул. Они были так осторожны, едва дышали, двигались так, что даже трава не шевелилась, аккуратно ныряли под ветки, а их собаки беззвучно ступали по бокам. Лошадей они оставили привязанными на опушке леса. А под кронами деревьев все застыло, как бывает в полдень, когда затихают даже птицы, и только прохладная тень манила отдохнуть от монастырской суеты. Он не замечал жаркого солнца. Руки, сжимавшие поводья, до сих пор были скользкими от пота, а сердце глухо стучало в груди.

Почему собаки не учуяли его?

Вепрь, должно быть, спал: они едва не наступили на него. Словно неожиданно оживший черный валун, он с визгом сначала попятился в заросли ежевики, а затем бросился прямо на них с Данстеном. Видиа сильно толкнул его, так что он отлетел в сторону, а потом Видиа, всегда ступавший так аккуратно, вдруг споткнулся.

Страшные картины вновь и вновь прокручивались перед его мысленным взором.

Въехав во двор монастыря, он спешился, и ноги его с чавкающим звуком погрузились в грязь. Стоявший рядом Атульф попытался взять у него поводья, а тот белокурый парнишка, который следовал за Атульфом словно тень, остался стоять в нескольких шагах позади него. Он махнул им, чтобы они ушли, и жест получился более резким, чем ему хотелось бы.

Буря чувствовала себя плохо – теперь он это ощутил. Она была его любимицей, его славной темноглазой серой лошадкой, его стремительным средством передвижения. Он сам воспитал и объездил ее, а потом взял с собой, впервые отправившись в усадьбу архиепископа в Йорке шестнадцать лет тому назад, когда она была еще слишком юной, чтобы на ней можно было скакать. Словно не веря своим глазам, он смотрел на перепачканные в крови руки, на грязную одежду, на пятна и мазки запекшейся крови на светлой шкуре лошади. Возле него возник Хихред, широкоплечий дьякон с рыжеватыми волосами. Атульф что-то быстро и сбивчиво рассказывал ему, а тот кивал, водя глазами из стороны в сторону.

– Значит, это не ваша кровь, Ингельд. – Пауза. – Отец. Отец настоятель.

Должно быть, это был голос Хихреда. Атульф никогда не называл его отцом, даже теперь, когда он стал священником.

– Радмер сказал, что на его месте должен был быть я. – Ингельд слышал слова, которые произносили его губы, но при этом плохо понимал, что он говорит, и не знал, что скажет дальше. Он невероятно устал, и колени его подгибались под весом собственного тела.

Хихред засуетился, стал торопливо раздавать указания насчет холодной и горячей воды, свежего белья.

– Одна нога здесь, другая там.

– Мне нужно позаботиться о Буре. – Продолжая крепко держать ее под уздцы, Ингельд склонился к мощной, изящно изогнутой шее. Всегда первым делом заботиться о лошадях. Он сделал глубокий вдох и почувствовал, что мир вокруг него начал возвращаться в свое нормальное состояние.

– Пойдем, Кудда! – крикнул белокурому мальчишке Атульф, который снова появился рядом с ним. – Мы сами позаботимся о Буре.

– Я не могу. – Кудда выглядел затравленным. – Отец приказал мне к вечеру быть в кузнице. Сказал, что иначе поколотит меня.

– А я приказываю тебе помочь мне здесь.

Где этот юнец научился такому повелительному тону? Ингельд обернулся к мальчикам.

– Так это ты Кудда? Если отец хочет, чтобы ты шел домой, ты должен идти. – Он почувствовал, как Атульф оцетинился. – Никаких оправданий быть не может. Иди.

И Кудда ушел, причем с такой скоростью, что стало ясно: угрозы отца небезосновательны. Рядом появился Хихред с ведром воды.

– Отец настоятель. Отдайте мне поводья. Умойте свое лицо. Вы напугаете детей.

Подчинившись наконец, Ингельд сел прямо на утопанную землю и плеснул в лицо водой. Размокшая кровь вновь стала источать острый запах. Он наклонился и окунул голову в ведро; шок от холодной воды окончательно привел его в чувство. Не вынимая голову и

задержав дыхание, он нащупал ссохшиеся от крови пряди волос, которые начали размягчаться под его пальцами. Наконец он вынул голову из ведра, жадно хватая ртом воздух.

Вода в ведре потемнела, но на руках все еще оставались пятна запекшейся крови.

Атульф отвел Бурю в стойло, и Ингельд слышал, как юноша что-то приговаривает, успокаивая ее.

Славный парень у него, а он уже почти забыл, что имеет сына. Его ребенок от женщины, которая умерла много лет назад, и тем не менее о ней он вспоминал гораздо чаще, чем об этом мальчике, который постоянно находился у него перед глазами.

Взяв протянутое Хихредом полотенце, Ингельд начал вытираться и высушивать волосы, размазывая по жесткой поверхности льняной ткани кровь Видиа, которая, хоть и была теперь разбавлена до цвета розового шиповника, все равно оставляла следы, к чему бы он ни прикоснулся.

Проклятый Радмер.

В случившемся не было *его* вины. Видиа егерь, и земли поместья – его угодья. Видиа должен был знать, где находится зверь, должен был как следует разобраться в его следах, отметить, где оставлен помет, примят подлесок.

Абархильд вместе с Радмером вытащили его из его нового дома, которым стало для него имение архиепископа. Они вернули его в этот провинциальный и безотрадный маленький Донмут, при этом мать обещала ему все, что он, по ее мнению, мог хотеть, а брат все твердил о долге перед Богом, королем, родственниками и родиной. Неужели они принимали его за осла, которого одновременно бьют палкой и приманивают охапкой вялой травы?

К тому же он спас Видиа. Разве его можно было в чем-то винить? Данстен, оруженосец, человек жестокий и убийца, просто спрятался за зарослями ежевики, в то время как он, человек Господа, с криками бросился вперед, тыча копьем в сторону громадного зверя, который стоял над распростертым телом егеря и рвал его ребра своими клыками. Он один прогнал его, и тот скрылся, фыркая и визжа.

Момент триумфа. Все обостряющееся редкое ощущение полноты жизни, когда в человеке звенит каждая жилка, каждый нерв.

Будь проклят этот Радмер, испортивший такой миг славы!

– Принеси мне еще ведро воды, Хихред. – Ему следует переодеться. Для его матери практически не было секретов в части выведения пятен, будь то свечной воск, топленый жир или кровь, но ему это знать необязательно.

Он стянул с себя тунiku и нижнюю холщовую рубаху и бросил их на траву в одну грязную липкую кучу. Кровь пропитала одежду насквозь, до кожи.

Вода во втором ведре оказалась теплой, и на этот раз было истинным удовольствием окунуть в нее голову и держать там, пока хватило дыхания, а потом выдернуть ее оттуда в фонтане брызг и шумно втянуть воздух полной грудью.

Когда он открыл глаза, перед ним стояла девушка. Изображение было расплывчатым и сияющим, и он подождал, пока вернулась резкость зрения. Кожа ее – как сливки, застенчивый румянец – цвета спеющей земляники, светлые шелковые пряди волос, обрамляющие нежный овал лица. Какой-то миг ему даже казалось, что он грезит и что видение это вызвано недостатком воздуха. *Quale rosae fulgent inter sua lilia mixtae...*^[20] Неужели он произнес это вслух?

– Что? – Она прерывисто дышала, как и он сам. – Что вы такое говорите? Мне нужно узнать, что случилось с Видиа. – С виду – действительно розы и лилии, однако в голосе –

чертополох и крапива, увь.

Но, как бы Ингельд не был огорчен резкостью ее тона, отсутствие почтительности помогло ему осознать, что он очень быстро устал от людей Донмута, от их хождения на цыпочках и разговоров шепотом в присутствии их нового повелителя – аббата.

– Кто ты?

Она насмешливо взглянула на него:

– А вы не знаете? Я Сетрит.

Он непонимающе помотал головой.

– Дочь Луды.

Старшая дочка Луды? Он улыбнулся, чтобы скрыть удивление и смущение.

– Ну да, конечно. – Он присмотрелся к ней повнимательнее, пытаясь уловить сходство с седым и прихрамывающим стюардом его брата. Но ничего такого не заметил.

– И я планировала выйти за Видиа. А теперь сами видите.

– И в этом, надо полагать, моя вина. – Вода медленно стекала по его торсу, отчего появилась гусиная кожа.

Подошел Хихред со свежим полотенцем, и он с благодарностью протянул за ним руку.

– Ваша вина? – с удивлением переспросила она. – Нет. Охота – дело опасное. Я это знаю. Я же не дуручка какая-нибудь. Но я не выйду за того, кто с самого начала калека.

– Не выйдешь?

– Нет. Разве что меня заставят. Так что с ним случилось? Вы же видели. Расскажите мне.

– Да, я действительно видел это. – Ингельд закрыл глаза. Внезапный резкий бросок черной визжащей массы. Блеск клыков. Видиа падает. Хрип зверя и крики человека. – Его лицо. Ребра. Если он выживет, то, вероятно, будет хромым, и не думаю, что он будет столь же хорош собой, как до этого. Но передвигаться самостоятельно он сможет. Если, конечно, выживет. – Его вновь охватило горькое чувство, будто внезапно спустившаяся черная туча. – Если.

– А как насчет... – Она понизила голос и стыдливо опустила глаза, но жест ее был понятен и сомнений не вызывал.

– Ну... – Почему он так медлит с ответом? – Этого я не знаю.

Лицо Хихреда было бесстрастным, но смотрел он несколько неодобрительно. Он снова протянул полотенце, и Ингельд, взяв его, уткнулся в него лицом и стал промокать стекавшую все еще розоватую воду. Видиа принял на себя удар, предназначавшийся ему, и Ингельду до сих пор не очень верилось, что это не у него изуродовано лицо, сломаны ребра, не он истекал кровью. Но, как намекнула эта девушка, все могло быть еще хуже.

Внутренности. Пах.

Trux aper insequitur totosque sub inguine dentes...^[21] Но этот *aper* только пропорол Видиа грудную клетку своими *dentes*, а не вонзил их ему в промежность, как это сделал кабан с несчастным Адонисом у Овидия. За это и сам егерь, и эта его «клубничка со сливками» должны быть благодарны судьбе.

Когда он снова поднял глаза, ее уже не было рядом.

Винн подождала, пока удары молота стихнут, и только после этого зашла под открытый навес, защищавший кузницу от непогоды, и громко задала свой вопрос.

– Что?

Похоже, звон молота, бьющего о наковальню, до сих пор звучал в ушах отца.

– Мама спрашивает, вы тут и на ночь останетесь? – Она поставила узелок с твердым черным хлебом и еще более твердым сыром у одного из столбов, подпиравших навес у входа в кузницу.

– Ну да, останемся. Нам нужно пересмотреть целую кучу серпов. Какой урожай без кузнеца? – Широкая улыбка разделила узкое бородатое лицо Кутреда почти пополам. Он опустил свой молот. – Ко мне уже дважды за последние дни заходил этот мрачный и занудливый Луда и твердил, что ячмень созрел, пора его жать, как будто я сам этого не вижу. – Он презрительно сплюнул на землю. – И это только половина работы, потому что есть еще и монастырь. Никуда не уходи. Мне нужно, чтобы ты поработала на мехах. Я предупреждал Кудду, и он уже давно должен быть здесь, но пока так и не появился.

Винн опустила голову, чтобы скрыть улыбку, которая, как она ни старалась, все равно коснулась уголков ее рта. Она очень любила все, что связано с кузнечным делом, но, когда здесь был Кудда, у отца не было времени на нее. Кутред кивнул ей, и она взялась за ручку верхней деревянной пластины кожаных мехов, которые были легкими кузницы и наполняли ее жизнью.

– Фартук.

Она бросила на него быстрый взгляд.

– Тут слишком жарко.

– А мне все равно, – сказал он, а когда она даже не шевельнулась, добавил: – *Искры*. Мне придется много чего наслушаться от твоей матери, если я снова отправлю тебя домой с прогоревшими дырками на платье.

В ответ она показала ему язык, и он рассмеялся.

– Тогда я лучше сниму платье.

– Нет. – Отец шутливо замахнулся на нее молотом. – Ты и так у нас красотой не блещешь, не хватало еще тебя припалить. Так что надевай фартук.

– А Кудде ты позволяешь работать голым по пояс, без всякого фартука.

– Кудда – парень. – Он снова поднял свой молот. – И чтобы я этого больше не слышал, Винн.

Она раздраженно фыркнула, но, хорошо зная, когда нужно перестать испытывать отцовское терпение, без дальнейших разговоров сняла с крючка кожаный фартук и просунула голову в лямку. Он был жестким, достаточно тяжелым, чтобы ее шея чувствовала его вес, и доходил ей почти до щиколоток.

– Хорошая девочка.

Она быстро подняла на него глаза и ухмыльнулась. Несмотря на камни, стоявшие вертикально между нею и горном, жар ударил ей в лицо так, словно был чем-то твердым. Вверх-вниз, вверх-вниз – тело напряглось, подбирая правильный ритм; постепенно мехи наполнились воздухом, и уголь в печи начал снова разгораться, став сначала красным, а потом оранжевым. Кутред взял молот и щипцами сунул выгнутую под серп заготовку в самый жар.

– Эй!

Кузнец даже не поднял головы, когда вбежал его сын, но Винн, выгнувшись, обернулась, умудрившись при этом не нарушить ритма движения мехов.

– Это моя работа! Давай, проваливай отсюда, малявка!

Ее брат тяжело дышал, влажное от пота лицо покраснелось; его туника была выпачкана, а босые ноги забрызганы грязью. Но при этом он, похоже, нисколько не раскаивался в том, что опоздал. Аккуратно взяв щипцы, Кутред переложил заготовку на квадратный камень, служивший ему малой наковальней, и принялся отбивать ее быстрыми размеренными ударами молота.

Кудда больше не сказал ни слова. Они с Винн хорошо знали, что, если прервать отца на этом этапе работы, это неминуемо вызовет его гнев. И только когда сияющая полоска металла начала темнеть, постепенно приобретая под звонкими ритмичными ударами нужную форму, глаза брата и сестры встретились.

— Где ты был? — Она говорила одними губами, не произнося ни звука. Но потом она заметила темное пятно на подоле его туники и на этот раз спросила вслух: — Это что, *кровь*?

Кудда скорчил гримасу и уже хотел ответить, но потом бросил быстрый взгляд на отца и прижал палец к губам. Кутред сунул серп в ведро с водой, стоявшее возле горна, и горячий металл громко зашипел, и кузницу заполнило облако пара.

Дети Кутреда знали, что нужно подождать, пока отец бросит выкованный серп в кучу готовых изделий.

— Ладно, парень. Берись за мехи. — Протянув руку, он взял еще одно поврежденное лезвие и сделал паузу, взвешивая его в руке. — Ты снова был с Атульфом. — Это был не вопрос, а утверждение.

— А если мне нужно было? — Голос Кудды прозвучал намного выше, чем обычно, и Винн подозрительно покосилась на него.

— Я уже говорил тебе раньше. Твое место здесь.

— Он сказал мне, чтобы я пошел с ним...

— Атульф тебе не хозяин!

Кудда уставился на него.

— Однажды Атульф станет моим хозяином. Он хочет, чтобы я был одним из его людей.

Винн затаила дыхание, ожидая беды. В последнее время брат частенько возражал отцу.

Но «Атульф хозяин»? Кутред развернулся и плюнул в огонь.

— Размечтался, глупый мальчишка! Принимайся за работу.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем Кудда снял тунику через голову и протянул руку за фартуком. Винн с вызовом скрестила руки на груди.

— Я пришла первой. Я помогала...

— Отдай.

— Перестань, Винн, — сказал Кутред. — Не начинай создавать проблемы. У нас много работы.

В голосе его она учуяла опасность и поняла, что выбора у нее нет. Раздраженно запыхтев, она сняла с себя тяжелый кожаный передник и неохотно протянула его брату.

— Ступай отсюда, малявка, — сказал Кудда. — Ступай к мамочке и остальным пискливым младенцам.

Она передернула плечами, не отвечая на его насмешки, но при этом нахмурилась и медленно поплелась к выходу.

— Ты все еще хочешь поработать, Винн? — Отец кивком указал куда-то в сторону. — Там, сзади, есть серпы, которые нужно заточить. Возьми точильный камень. И не путайся у нас под ногами, слышишь?

Винн вернулась, стараясь не улыбаться, пока Кудда мог ее видеть, и взяла оселок с

большого дубового верстака, где отец держал свой инструмент. Направляясь к выходу, она заметила среди деревьев всадника, скакавшего к конюшне на гнедом пони. Она замерла на миг, но оказалось, что это всего лишь Элфрун из усадьбы. К удивлению Винн, девушка остановила пони, натянув поводья, и спрыгнула на землю.

– Твой отец в кузнице?

Винн уставилась на нее. Она что, глухая? Не слышит пыхтение мехов? Звона молота пока не было слышно, но звук работающих мехов был достаточно громким.

– Да.

– У меня для него сообщение. – Голос Элфрун звучал недовольно, как будто она была не в настроении. – Я не собиралась ехать сюда, но Луда перехватил меня, когда я уже выезжала со двора. Думаю, твой отец не скажет мне спасибо за это.

– Так что за сообщение? – Винн коротко хихикнула. – Нет, не говорите мне, попробую угадать. – Она сделала напыщенное лицо, приподняла одно плечо и в нос противным голосом сказала: – *Интересно, этот ленивый дурень кузнец знает, вообще, что ячмень созрел и его уже нужно начинать жать?* – Передразнивание стюарда было таким безжалостным и точным, что Элфрун слегка улыбнулась и закивала. – Можете не передавать этого моему отцу, – сказала Винн. – Он и сам это прекрасно знает, и они с Куддой как раз сейчас подготавливают серпы. – Словно в подтверждение ее слов из глубины кузницы вновь донесся стук молота.

– С Куддой?

– Конечно.

– Но... – Элфрун вдруг запнулась и нахмурилась, а Винн с любопытством посмотрела на нее.

– Что такое, леди? Это как-то связано с кровью у него на тунике? – Она почувствовала, как сердце в груди взволнованно забилося. – Он что, снова подрался?

Элфрун покачала головой, и Винн испытала разочарование.

– Они с Атульфом сопровождали охотников, и Видиа порвал клыками вепрь. Так что это кровь Видиа.

Винн снова уставилась на нее. Это даже лучше. В глазах отца то, что Кудда лазит по деревьям или ловит рыбу вместе с Атульфом, было уже достаточно плохо. Но охота на вепря! Можно было даже не начинать подсчитывать все правила, писанные и неписанные, которые нарушил ее брат. Вот это проступок! Но только стоит ли ей сразу рассказать все отцу или пусть Кудда помучается, гадая, как много она знает?

Однако Элфрун, похоже, неправильно истолковала ее молчание при выпученных глазах.

– Не бойся, Кудда не пострадал. У него кровь на тунике только потому, что кровь там была повсюду. Я думала, что он снова ушел с Атульфом. – Она вздохнула. – А Видиа... Да, он плох, но за ним присматривает моя бабушка.

Но Винн уже потеряла к этому интерес. Кузница никак не пересекалась с охотничьим хозяйством, с их конюшнями и сворами собак, а Видиа всегда сам следил за своими охотничьими ножами и наконечниками для копий.

– Если бы Кудда сегодня вечером ушел куда-то с Атульфом, отец бы убил его по возвращении, – сказала она. – Он вечно отлынивает. – Она сердито взглянула на Элфрун. – Можете передать моему отцу, что на самом деле это я помогаю в кузнице и тружусь уж никак не меньше, чем Кудда. Даже больше. Я делаю больше его.

Элфрун уже отвернулась, чтобы вскочить на своего пони, но остановилась и бросила на

юную девочку пристальный взгляд.

– Да, я так ему и передам, – сказала она. – Обязательно передам. Он должен это знать.

Своим ножом в форме полумесяца Абархильд сначала мелко нарубила чеснок, затем соскребла его с доски в медную кастрюлю с нарезанным луком-пореем и все перемешала.

– Достань мне из моего сундука маленький стеклянный флакон. Нет, не этот, синий. С желчью.

Она взяла бутылочку из рук Элфрун, вытащила тряпичную пробку, взболтала содержимое и, понюхав, поморщилась.

– Надеюсь, влага сюда не попала. Меня учили, что это средство используют, когда опухают глаза. Мать Гизела была бы потрясена, если бы увидела, что я наношу это на рану. – Она нахмурилась и посмотрела в угол хеддерна, где Видиа беспокойно ворочался и что-то бормотал.

Элфрун кивнула. Ее также тревожило то, что кожа вокруг рваной раны на ребрах егеря была горячей и натянутой. После смерти ее матери Абархильд начала учить ее – показывала, как готовить всякие мази, как делать примочки, объясняла, какие симптомы каких действий требуют. За последние два года Элфрун помогла залечить бесчисленное количество ушибов и порезов, но этот случай был самым серьезным из всего, что она видела до сих пор. Поначалу казалось, что раненый выздоравливает, пусть и медленно, но теперь от ран исходил странный запах, и хотя лицо Видиа выглядело неплохо, рана на боку была горячей и из нее постоянно что-то сочилося.

– Не стой без дела. – Абархильд подняла глаза на внучку. – Сходи к Луде – возьми с собой кувшин и попроси у него немного вина.

– Чтобы Видиа выпил?

– Нет, для целебной мази. Ступай, девочка.

Оказавшись за дверью хеддерна, в сумраке главного зала, Элфрун сделала глубокий судорожный вдох. Сбоку стоял стол на козлах, и на нем выстроились кувшины; она схватила ближайший за ручку и вышла из дома под морозящий дождик – летний день был хмурым. Когда она обошла складские помещения и кухню, ноги ее сами собой пошли медленнее, несмотря на распоряжение бабушки поторапливаться.

От Луды всегда лучше держаться подальше.

Но ни в кухне, ни на малом дворе никто не работал; за исключением нескольких кур, рывшихся в грязи, тут вообще не было никаких признаков жизни. Элфрун знала, что нужно спросить разрешения, но Абархильд сказала, чтобы она поторопилась. Жизнь Видиа, конечно, важнее, разве не так? Пожав плечами исключительно для самой себя, она нырнула в крытую соломой пристройку, где хранились напитки, и повернула кран бочки. Немного вина – это, вообще, сколько? Она следила за тонкой струйкой желтоватой жидкости, пока в кувшин не набежало примерно с четверть пинты, а затем потянулась к крану, чтобы перекрыть его.

– Опять воруем вино?

Элфрун вздрогнула и полуобернулась, расплескав вино. Прямо у нее за спиной стоял Луда, скрестив руки на груди; на его морщинистом одутловатом лице застыло угрожающее выражение. Она не слышала, как он подошел.

– Я должен буду рассказать об этом твоему отцу.

Его гнусавый голос звучал серьезно, в глазах читалось осуждение, но ей почему-то было ясно, что он получает удовольствие от ее замешательства. Она всегда ловила себя на том, что ей тяжело смотреть на него: его глаза были глубоко посажены и близко расположены, что придавало его взгляду какую-то непонятную силу, и это вселяло тревогу. На его седых засаленных волосах висели капельки дождя.

– Что вы имели в виду, говоря «опять»? Я никогда в жизни не воровала вино. Да и это для моей бабушки!

– Ну конечно! – Он насмешливо зацокал языком. – Закрути кран.

Она даже не заметила, что вино все это время продолжало потихоньку вытекать на земляной пол; покраснев, она повернула кран.

– Ну почему вы всегда предполагаете самое плохое? Моя бабушка попросила меня принести немного вина для лекарства, которое она готовит для Видиа. Тут не было никого, у кого можно было бы спросить разрешения, поэтому я просто взяла то, что ей необходимо. – Она шагнула вперед и протянула ему кувшин. – Сами посмотрите! Там совсем чуть-чуть.

Он заглянул в кувшин и пренебрежительно фыркнул:

– Только потому, что я поймал тебя за этим занятием.

– Нет!

– Мы сейчас пойдем с тобой к твоей бабушке и послушаем, что она нам скажет. – Он схватил ее за руку ниже плеча, и она, попробовав вырваться, порадовалась, что в кувшине вина мало и оно не разлилось при этом.

– Хорошо, пойдем. И тогда вы сами убедитесь, что я говорю правду. – Она попробовала проскользнуть мимо него, чтобы первой обойти кухню с глинобитными стенами и вновь очутиться на большом дворе, но он держал ее очень крепко. Ей было стыдно, что ее ведут силой, и оставалось лишь надеяться, что во дворе по-прежнему никого нет.

Вдруг за спиной раздалось бряцанье сбруи и скрип кожи; они оба обернулись, и хватка Луды ослабла. В воротах показалась незнакомая лошадь серовато-коричневой масти, однако всадника Элфрун не сразу, но узнала. Это был один из дружинников короля, она видела его раньше, на весеннем сборе. Луда отпустил ее руку и сделал шаг вперед, одернув тунику пониже, чтобы спрятать свою хроющую ногу.

Пока они возбужденно приветствовали друг друга, Элфрун проскользнула в дом, удостоившись одобрительного кивка своей бабушки.

– Там человек приехал, – сказала Элфрун. – Думаю, из Гудманхэма. – Она все еще была взволнована. – Или где сейчас находится королевский двор? По-моему, отец говорил, что в Гудманхэме.

– Один из людей Осберта?

Элфрун кивнула. Абархильд скривилась.

– Которому что-то нужно от твоего отца, можешь в этом не сомневаться.

– У него неплохой конь, но не такой хороший, как Хафок. – Хотя, сказать по правде, было вообще очень мало лошадей, которые могли бы сравниться с конем Радмера. – Впрочем, масть у него странная. Чуть ли не желтая.

Однако Абархильд лошади не интересовали.

– Подай мне вон ту миску. Медную. Нет, глупая девчонка, не эту, а с луком и чесноком. – Она налила туда вина, а затем накрыла миску куском грубого холста, на концах которого для веса болтались небольшие глиняные шарики. – Теперь это должно настояться.

Элфрун взглянула в сторону двери.

– Луда решил, что я воровала вино. – Она потеряла руку, за которую он ее схватил. – Он залился даже после того, как я ему все объяснила. Я думала, что он меня ударит.

Абархильд долго молчала, а затем сказала:

– Луда – старый и заслуживающий доверия слуга твоего отца. Возможно, он все еще считает тебя ребенком. И это более чем вероятно, учитывая, что иногда ты себя ведешь по-детски. – Она подняла руку, пресекая возражения. – Не перебивай меня, пожалуйста, дай сказать. Но ты уже не ребенок, и мы должны сделать так, чтобы люди это понимали. – Она шумно вдохнула, и Элфрун вся сжалась.

Но в этот момент в дверях кладовой появился Радмер, заслонив собой свет.

– Сложи одну из моих хороших туник и немного белья в мои седельные сумки, мама. Серая туника подойдет. Я еду в Дрифилд по приказу короля. Он хочет со мной что-то обговорить.

Выходит, двор не в Гудманхэме, но все равно на севере. Еще одна из многих резиденций короля в дне пути отсюда. Элфрун никогда не была ни в одной из них. Она вообще не выезжала никуда дальше Баркстон-Эша на праздники весной и осенью, если не считать еще одного упоительного путешествия в Йорк прошлой зимой на обряд посвящения Ингельда в духовный сан, обставленный со всей пышностью, какую только мог позволить себе местный кафедральный собор.

Радмер смотрел мимо нее.

– Как он?

Абархильд была немногословна:

– Плохо.

Элфрун внезапно охватил ужас при мысли, что следующие несколько дней она проведет в заточении в этой кладовой, наблюдая за тем, как медленно умирает Видиа.

– А можно я поеду с тобой?

– Ты? – Радмер покачал головой и, нахмурившись, отвернулся от нее, хотя продолжал говорить: – Нет, нет. Ты нужна здесь, Элфа. А где Данстен? Мне нужен мой меч.

– Достань тунику отца, детка. – Абархильд повернулась к сыну: – Нет ли для меня вестей из Йорка? Может, письмо?

– Ты что-то ждешь оттуда? – Радмер снял кожаные седельные сумки, висевшие на деревянных гвоздях. – Я сказал Атульфу, чтобы седлал для меня Хафока. Этот мальчишка постоянно здесь околачивается. И на этот раз, как ни странно, оказался полезен.

Абархильд рассердилась:

– Атульф ухаживал за Бурей. И хорошо справлялся с этой задачей, – хрипло процедила она сквозь зубы. – Дай ему какую-то работу получше, если считаешь, что он понапрасну тратит свое время.

Радмер повернулся спиной к матери, и Элфрун сделала вид, что чем-то занята. Вошедший Данстен начал снимать меч и перевязь со стеллажа с военными доспехами. Элфрун повернулась к большому отцовскому сундуку, отделанному резьбой и раскрашенному, где хранилась его одежда. Крышка была сделана из тяжелой дубовой доски, так что поднять ее и откинуть к стене стоило девушке немалых усилий. Но когда Элфрун это все же удалось, в лицо ей ударили ароматы пижмы и полыни, внезапно вызвавшие ослепительно-яркие воспоминания о матери, собиравшей эти травы. Она развешивала их сушиться в маленьких холщовых мешочках, а потом показывала ей, как раскладывать их

между сложенной одеждой. «Запомни, Элфа, моль и ее личинки слишком малы и почти незаметны, но они уничтожат все наши изделия, если мы им это позволим». Ей запомнилось, что сундук был громадным, таким высоким, что она не могла заглянуть внутрь, а открытая дубовая крышка вообще терялась в вышине. Да, в те времена она была совсем крохой.

Серая туника лежала сверху; украшали ее лишь простые белые и черные полосы у горла и на запястьях – ее мама планировала расшить их серебром, но на это у нее не хватило времени.

Сунув тунику под мышку, Элфрун закрыла крышку сундука, но из-за своей тяжести та громыхнула громче, чем ей хотелось бы. Абархильд зашипела на нее и, вырвав тунику у нее из рук, последовала за сыном в полумрак главного зала. Данстен, нахмутив свои светлые брови, распутывал кожаный ремешок. Наконец он встряхнул перевязь и, подхватив меч и ножны, развернулся, чтобы тоже идти за всеми.

– Элфрун.

Это был даже не шепот, а едва слышный обрывок ее имени – ...фрун.

Она старалась не смотреть на покрытую струпьями красную рану на левой стороне лица Видиа от брови до челюсти. Абархильд велела ей следить за тем, не начнет ли и она сочиться и стягивать кожу вокруг себя. А еще нужно было наклоняться к покрытому синяками и отеку лицу егеря и принюхиваться, стараясь уловить запах гниения. Плотнo сжав губы, она наклонилась и сделала так, как ей было сказано.

Видиа поднял руку.

– Лежи спокойно. Не разговаривай. – Разговаривать ему наверняка было очень больно. – Не шевели губами. – От сострадания у нее у самой начала болезненно пульсировать левая часть лица.

Он закрыл глаза. Она придвинулась ближе и присела возле него.

– Абархильд готовит тебе какое-то особое лекарство. Готовить его ее научили монахини из Шелля. На это уйдет день или два, но потом ты поправишься. – Элфрун старалась, чтобы это прозвучало как можно убедительнее, но при этом сознавала, что говорит с этим суровым и бывалым мужчиной, как с малым ребенком, и даже поморщилась от такой неуместности.

Все так же не открывая глаз, он кивнул – движение было совсем слабым, но и оно заставило его содрогнуться от боли. А затем он, едва шевеля губами, прошептал что-то невнятное.

– Прости, – сказала она. – Прости, Видиа, но я тебя не слышу.

Тогда он открыл свои темные, с нездоровым блеском глаза; расширенные зрачки смотрели на нее, как две черные дыры. Он попытался снова, и на этот раз ей показалось, что она его поняла.

– *Сетрит*? – Это она ожидала услышать от него меньше всего. – Хочешь, чтобы я ей что-то передала? Хочешь, чтобы я привела ее к тебе? – Не дожидаясь ответа, она вскочила на ноги, обрадовавшись возможности сделать что-то действительно полезное.

Дождь уже разошелся вовсю. Она бежала босиком через двор и дальше по тропинке через заросли крапивы к жилищу Луды, чувствуя, как грязь просачивается между пальцами ног. К счастью, в дом ей заходить не пришлось. Сетрит в подоткнутой юбке была в курятнике; один ее брат, самый маленький, висел, замотанный в тряпку, у нее на боку, а второй ковылял позади нее с корзинкой для яиц.

– Как он?

– Я не знаю, чего он хочет. Но он назвал твоё имя. И я думаю, что он умирает.

Лицо Сетрит скривилось в недовольной гримасе. Намокшие под дождем волосы казались теперь темнее.

– Почему он не мог умереть сразу? Зачем так тянуть с этим?

– Слушай, ты идешь или нет?

– Как я могу пойти? – Она окинула взглядом детей и пожала плечами. – Я должна собирать яйца и присматривать за этими мальцами. Если я просто так уйду, мать убьет меня.

– Я прослежу за ними. – Элфрун протянула руки к ребенку, висевшему на перевязи на бедре у Сетрит, но та отвернулась.

– Нет, я не пойду, – бросила она через плечо. – Чем я ему помогу? А ты вообще уверена, что он мое имя произнес?

– Думаю, да. – Но на самом деле – нет. Уверенности в этом у нее не было. – Неужели тебе все равно? Он позвал тебя по имени! И мне кажется, он умирает. Как ты можешь не пойти?

– Уходи отсюда. Пока не вышла моя мать и не выпорола меня. Или и того хуже – пока не вышел отец. – Сетрит снова скорчила недовольную гримасу.

Потрясенная Элфрун уставилась на нее, но девушка уже отвернулась и, присев, стала свободной рукой шарить под колючим кустом боярышника в поисках случайно оказавшегося там яйца. Маленький братишка у нее на бедре хватал ее за мокрые пряди волос, и она пошатывалась, рискуя потерять равновесие.

14

Он спускался с пустынного нагорья по извилистой тропе, и солнце у него за спиной уже скрылось на западе за гребень холма. Тропа была утоптанной и глубокой, и можно было не сомневаться, что зимой именно по ней стекает вода; но сейчас было позднее лето, и на ней была лишь сухая белая пыль и камешки, хотя для задубевших подошв его босых ног было уже все равно, идет он по гладкой или по неровной поверхности. Последние несколько недель все было в порядке: Финн следовал своим инстинктам и советам случайно попадавшихся ему на пути людей, блуждая среди этих малонаселенных холмов, составлявших собой гряды Линдси. Они отделяли побережье от затопляемой во время паводка долины большой реки, которую местные называли Трент – «нарушитель границ». Никто не спустил на него собак, никто не попытался его ограбить – впрочем, для этого еще было достаточно времени. Его котомка легчала, а небольшой кошель с серебром тяжелел. Но не только он: багаж важной информации также пополнялся.

Он гадал, расскажут ли монахи и крестьяне в Лауте ту же историю, которую он слышал все лето: что людям мерсийского Линдси не хватает хорошего предводителя, и длится это уже на протяжении целого поколения. Что растущее могущество Уэссекса на юге отвлекает внимание правителей Мерсии от северо-восточной провинции, которая никогда не забывала о своем прошлом, хотя всем известно, что ее вечно по очереди перетягивали на свою сторону то нортумбрианцы, то мерсийцы. Что сами эти правители расслабились и самоуспокоились, поскольку основные их земли расположены далеко на западе. Сам Финн считал этот уголок Мерсии переспевшей сливой, готовой упасть с ветки: издали она казалась сладкой и привлекательной, но подойди поближе, и увидишь червоточины и услышишь жужжание ос, дерущихся за желанный липкий приз.

И люди Линдси высказывались с презрением о своем великом северном соседе. Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как Осберт повел свою армию на юг от Хамбера! Финн с интересом слушал эти нелестные высказывания.

— Мы не имеем ничего против того, чтобы он оставил нас в покое, — сказал ему трактирщик в Бардни. — Но что будет тогда с нашими честолюбивыми устремлениями? — Он долил Финну эля в его почти нетронутую кружку. — Вот что нас тревожит. Если он не может позаботиться о своих старых слугах и пристроить молодых людей, они начнут смотреть на сторону. И будут пастись в наших краях. — После этого он рассмеялся и пожал плечами. — Но раздор между родственниками в Нортумбрии также будет занимать их умы, так что им будет не до нас. Пока Элред... или кто там еще из претендентов? В общем, пока он будет держаться подальше от наших территорий, мы будем счастливы.

И этот человек с веснушчатым одутловатым лицом с двумя подбородками при свете очага действительно выглядел вполне счастливым.

Раздоры между родственниками. Это была еще одна фраза, которую следовало бы запомнить. Любое бедствие таит в себе новые возможности.

Из усыпанных ягодами зарослей бузины раздался вечерний крик черного дрозда. Финн был голоден, ему хотелось пить, поэтому он остановился и, сорвав несколько горько-сладких ягод с темно-красных стеблей, сунул их в рот. Но слишком много их есть нельзя: они способны сделать с внутренностями человека страшные вещи. Надо полагать, в Лаут до темноты ему не попасть. А стемнеет уже скоро, тем более что небо затягивало тучами. Так что вот-вот на землю упадет летняя ночь.

На меловой горе подходящего пристанища не найти, да и свет костра отсюда виден за много миль. Впрочем, жилья поблизости тоже не видно. Он, конечно, мог спокойно поспать под кустом, который хоть как-то защитит его от ветра, потому что, несмотря на сгущавшиеся тучи, дождем не пахло, но, если выбирать между этим вариантом и возможностью поесть у огня, было совершенно ясно, что он предпочтет. Поэтому Финн, размахивая ясеневым посохом, двинулся дальше своей легкой походкой, благодаря которой расстояния поглощались незаметно.

Он прошел, однако, всего пару миль, когда услышал тихое блеяние. Он сразу остановился. Есть стадо — значит есть пастух, а присутствие пастуха означало наличие собак. Рука крепче сжала гладкую поверхность палки, мгновенно превратившейся из походного посоха в грозное оружие.

Они приближались, пригнув головы и рыча, страшные звери с серой шерстью, недалеко ушедшие от волков, для защиты от которых их в свое время и вывел человек. Их было две — точнее, в сумерках он видел пока двух; они двигались, припадая к земле, и, ощерившись, издавали непрерывное низкое рычание, говорившее о том, что настроены они серьезно. Финн медленно пятился, держа палку наготове. Деревя, на которое можно было бы залезть, поблизости не было. Они, крадучись, подбирались все ближе и разделились, обходя его слева и справа, так что следить нужно было за обеими сразу.

Он непроизвольно задерживал дыхание, продолжая пятиться: руки подняты в успокаивающем жесте, палка готова к отражению атаки. От этого леденящего кровь рычания у него самого волосы на затылке встали дыбом. Интересно, они охотятся на него или просто прогоняют? А может, ведут себя с ним, как с овцами?

Внезапно раздался резкий свист и оба пса застыли на месте.

Финн тоже замер, стараясь восстановить дыхание. Собаки продолжали смотреть на

него, и он прекрасно понимал, что, если развернется и побежит, это будет для них сигналом к нападению.

Снова раздался свист, на другой ноте, и собаки тут же развернулись, в последний раз блеснув белыми зубами, и скрылись в сгущающейся тьме.

Финн не двинулся с места, продолжая концентрироваться на вдохах и выдохах, а потом медленно переместил вес тела с носков на пятки, давая расслабиться напряженным коленям. Псы могли вернуться в любой момент. А там, где собаки, есть и люди.

– Кто ты такой?

Говорившего он не видел. Голос шел откуда-то сзади и сверху, с насыпи, тянувшейся вдоль северной стороны тропы. Он не шевелился, по-прежнему стараясь выглядеть дружелюбно настроенным. Голос был молодой и высокий, а безрассудный юноша может быть намного опаснее настороженного старика.

– Я странствующий торговец, – ответил он. Опустив посох, он согнул спину, чтобы показать свою ношу. – Видишь мою котомку?

Раздалось громкое хмыканье, потом – тишина. Финн ждал.

Затем другой голос, неприветливый, спросил:

– Ты покупаешь что-то, торговец, или только продаешь?

Финн ощутил, как по телу разливается приятное расслабление. Он сместил вес тела на одну ногу и слегка согнул другую в колене.

– Могу и купить, – отозвался он.

Послышался хруст гравия и осколков мела – это молодой прыгнул с насыпи. В жилете из овчины мехом наружу он и сам был похож на овцу. Он выразительно мотнул головой в сторону, и Финн последовал за ним.

Пристанище пастухов находилось в полумиле от места встречи: стенка из кусков торфа, выложенная полумесяцем, с крышей из согнутых веток ивы, на которые для защиты от дождя и ветра был натянут большой кусок промасленного войлока. Очаг был обложен по бокам дерном; парень раздвинул его и начал подкармливать пламя сухими колючими ветками, которые трещали, посылая в ночное небо искры. Сухие овсяные лепешки и палочки твердого кислого сыра. Овечье молоко, еще теплое, которое поздним летом горчит от травы. На границе освещенного участка крадучись сновали собаки; время от времени глаза их, отражая свет костра, сверкали каким-то мистическим, неестественным блеском.

Это были молчаливые люди, и Финн тоже не торопился с разговорами. Если им есть что ему предложить, они сделают это в свое время. Прежде чем лечь, он связал завязки своей котомки двойным узлом и вместе с нею укрылся плащом, подоткнув его по краям. Плетеную из лозы котомку не только легче нести: при малейшем надавливании она жалобно скрипела. Он сразу услышал бы, если бы кто-то попробовал открыть ее глубокой ночью. И он не убрал руку с рукоятки висевшего на поясе ножа.

Однако все было спокойно.

Он очнулся от своего обычного глубокого сна без сновидений на рассвете и открыл глаза. Было холодно, стоял туман, слишком плотный и серый, чтобы можно было увидеть первые лучи солнца. До равноденствия было еще около месяца, но в воздухе уже чувствовалось дыхание осени – холод при вдохе обжигал ноздри изнутри. Перевернувшись на другой бок, он приподнялся, опираясь на локоть, и посмотрел на хозяев, которые сидели к нему спиной и говорили слишком тихо, чтобы можно было что-то разобрать. Ему нужно было облегчиться, поэтому он встал на ноги, производя больше шума, чем требовалось,

чтобы дать им знать, что он уже проснулся.

Когда он вернулся к костру, они стояли бок о бок, лицом к нему. Старик толкнул молодого локтем. Как оказалось, тот был совсем юным, почти мальчик. Юноша опустил глаза и что-то невнятно пробормотал. Руки он держал за спиной.

Тогда в разговор вступил старик.

– Он нашел это. Когда мы были внизу, на хуторе. Вскapyвал небольшую грядку по просьбе матери и натолкнулся на эту штуку. – Слов было сказано больше, чем за весь прошлый вечер. Он снова толкнул парня. – Ну, давай.

Тот протянул вперед руку. В ней он держал какой-то порядочных размеров предмет из позеленевшей бронзы, все еще перемазанный землей; он был похож на гигантскую ложку с широкой плоской частью – диск с рядом припаянных петелек в качестве ручки. Финн аккуратно взял эту штуку, покрутил ее из стороны в сторону, прикинул ее вес. Он понятия не имел, что это могло быть такое, но сам металл уже чего-то стоил, даже если продать его на вес. Он вгляделся в поверхность, покрытую грязью и ржавчиной. Под ними просматривалась тонкая резьба. На лице его застыло выражение умеренного вежливого интереса, но на самом деле это была маска – он тем временем быстро соображал. В Лауте он сможет попросить немного кислого вина и муки, чтобы приготовить из них пасту, которая вернет бронзе прежний блеск. И тогда станет ясно, что за вещь попала ему в руки.

– Что ты хочешь за это?

Парень молчал, только нерешительно топтался на месте; от смущения у него покраснели уши.

– Вы поделились со мной хлебом. Не бойся, я предложу тебе справедливый обмен.

Старик усмехнулся в бороду.

– Приворотное зелье, вот что он хочет. Напиток, после которого она ляжет с ним и будет приветлива.

Финн улыбнулся и развел руки в стороны.

– Неужели я похож на лукавую женщину? Или на знахаря? – Он вернул бронзовый предмет юноше и полез в свою котомку. – Что понравится твоей девушке? Лента? Бусы? – Глядя на простодушное лицо юноши, на его ясные голубые глаза и по-детски гладкий подбородок, он чувствовал, как сердце его переворачивается. Большие и крепкие мужчины могут постоять за себя. Но невинные простаки, дети и их матери вызывали у него тревогу. Он рылся в котомке, пока пальцы не нащупали то, что он искал, – маленький кожаный кошелек. На ладонь его упали две стеклянные бусины, синяя и белая. – Вот. Одна для тебя, другая для нее. Носите их на шее на крепком шнурке. Они защитят ваши глаза и уберегут от сглаза. И сделают еще много чего.

Он протянул вперед руку, сложив лодочкой холодную смуглую ладонь, в которой, как в колыбели, покоились маленькие сокровища. Юноша, покрасневший и безмолвный, тут же потянулся за ними, забыв даже отдать Финну бронзовую штуку, но тут старый пастух снова толкнул его. Они поплевали на ладони и ударили по рукам, закрепив сделку, после чего Финн взвалил свою котомку на плечи.

– Осберт хотел поговорить о Риме. – Радмер прыгнул на землю с высокого, украшенного позолотой седла. – Ему следовало бы расспросить об этом твою бабушку. Она

там бывала. Или Ингельда. В конце концов, это ведь он называет себя священником.

– О Риме? – Элфрун побледнела, став блее свежесотканного полотна, растянутого для отбеливания на траве за воротами. Над головами у них кружились и щебетали ласточки вместе со своим потомством этого года.

– Ему нужен кто-то, кто поехал бы от него к Папе.

– Кто-то, кто съездил бы в Рим? – Если бы ее отец сказал, что речь идет об Островах блаженных^[22] или вратах ада, и то Элфрун не так бы удивилась. Ей никогда и в голову не приходило, что Рим – это реально существующее место на земле, куда можно поехать, как в какой-нибудь Бартон или Иллингхэм. Рим относился к далекому прошлому, был некоей декорацией к историям, которые рассказывала ей Абархильд, – про девственниц-мучениц, этих вызывающих восхищение праведных дев вроде Агаты, Агнессы или Луции; про ее собственное паломничество к местам деяний святых апостолов в бабушкином невероятно далеком детстве. А теперь ее отец говорит о Риме, как о чем-то существующем на самом деле, как о части земной тверди, по которой ступает сама Элфрун. Правда, находится он за морем.

– Так они поплывут туда на корабле? – Уже спросив, она вдруг покраснела. Ну конечно поплывут, и конечно на корабле. Иначе туда не добраться.

Радмер уже повернулся к ней спиной и ослаблял подпругу на Хафоке.

– Видиа еще жив?

Похоже, отец решил сменить тему. А может быть, просто по доброте своей проигнорировал ее глупый вопрос.

– Да! И мы думаем, что он поправляется, хотя еще слишком рано говорить об этом с уверенностью.

– Твоя бабушка творит чудеса, – сказал Радмер, потянул Хафока за уздечку, и они направились к конюшням.

Элфрун от них не отставала. Она издалека заметила, что к ним своей хромающей походкой идет Луда, и ей хотелось подольше удержать внимание отца и расспросить его как можно подробнее, прежде чем стюард перехватит их и оттеснит ее. Поэтому она спешно подбирала нужные слова:

– Выходит, король отправляет в Рим своих посланцев?

– Меня, – сказал он. – Он отправляет в Рим меня.

Это было все равно, как если бы он столкнул ее со скалы. Двор вокруг нее, знакомые постройки – зал, хеддерн и дом для женщин – все оставалось четким и на своих местах, но в ушах возник несмолкаемый лихорадочный гул. Луда рассерженно делал знаки Атульфу, чтобы тот взял поводья Хафока; ее отец обернулся, намереваясь что-то сказать Абархильд, появившейся в дверях зала; на крыше, освещенной солнцем, ворковали голуби, а она все пребывала в забытьи. То, что она слышала от отца, было просто невозможно.

Рим.

Безумное столпотворение малопонятных мыслей и картинок в голове.

Некогда город кровожадных императоров. Где святого Петра распяли вниз головой. Она видела его изображение, выгравированное на камне в большом кафедральном соборе в Йорке. Петр, первый Папа. Папы живут там и теперь, в городе, где девственницы-мученицы с презрением отвергали своих поклонников и потом принимали кровавую смерть.

Неужели это реальное место?

Постойте... Он говорит какую-то бессмыслицу.... что-то насчет *чести, пенса Петра*^[23]

и еще «до начала осенних штормов».

Абархильд берет бразды правления в свои руки, указывает куда-то своей палкой и резко отдает распоряжения Луде, который вжал голову в плечи и нервно потирает руки. Потом они уходят в зал. Ее отец что-то говорит. *Нет, конечно же, я не могу отказаться.* Но смысл сказанного им все равно непонятен.

Она так и стояла во дворе, слыша этот странный гул в ушах. Атульф стал водить Хафока по кругу, и она поймала себя на том, что машинально идет за ними.

– Уезжает в Рим. – Она слышала слова Атульфа, но их смысл до нее не доходил. – Сколько времени его не будет? И что это означает для нас всех?

Нас? Что он имел в виду, говоря «для нас»? Она вырвала поводья у него из рук. Хафок был конем ее отца. И ухаживать за ним должна она.

Расстегнуть подпругу, снять здоровенное седло и унести его; скрутить пучок сена, чтобы обтереть влажные бока разгоряченного Хафока; найти для него горсть овса, чтобы он брал его у нее с ладони своими крепкими, покрытыми волосками губами, – все это было рутиной и источником успокоения для нее. Атульф, стоя к ней спиной, сгребал лопатой навоз, а она прислонилась к плечу коня и провела рукой по его шее и под гривой. Он шумно выдохнул и обернулся к ней, а ей показалось, что во взгляде его влажных глаз с длинными ресницами она уловила ту же обеспокоенность, какую испытывала она сама.

Может быть, Хафок тоже поедет в Рим? Ей трудно было представить, как отец сможет обходиться без него.

Хафок был конем ее отца. Луда – его стюардом, Видиа – его егерем, Кутред – его кузнецом. А она была дочерью своего отца. Но кем они станут, когда Радмер уедет?

16

Ингельд с Вульфхером ехали верхом по широкой дороге, которая тянулась из Йорка на север, огибая Пикерингские болота, через центральный район, где густо, словно драгоценные камни в ожерелье, расположились небольшие, но богатые монастыри, – Стоунгрейв, Ховингхэм, Коксволд, Мэлтон, Ластингхэм и Хэкнесс, – и уходила дальше, на Уайтби. Сегодня они не собирались доехать даже до Крейка, но светило солнышко, и почему бы по такой погоде старинным друзьям, какими были архиепископ Йоркский и аббат Донмута, не прокатиться в свое удовольствие?

К тому же на этой дороге, хотя их и могли увидеть, никто не мог слышать их негромкого разговора. Йорк был уже в нескольких милях позади, и, помимо случайно встретившегося им пастуха, они видели всего несколько человек в лугах, да еще одинокого бродячего торговца с котомкой на обочине. Мало кто строил здесь дома вблизи дороги, по которой маршем проходили армии. Жизнь и без того была полна опасностей, чтобы привлекать к себе еще и такое внимание. Архиепископ и аббат были оба вооружены и одеты в туники и штаны, какие носили обычные миряне; при этом никто из встречных не осмеливался на большее, чем бросить быстрый осторожный взгляд в их сторону, когда они проезжали мимо, чтобы тут же снова смиренно опустить голову. Как бы то ни было, до сих пор они говорили о материях, о которых было позволительно слышать кому угодно. Король пиктов Домналл ап Алпин созвал в Фортевиоте совет представителей церкви и государства, и только что вернувшиеся оттуда посланники от Йорка привезли известие, что народ сейчас возводит величественную церковь в Дункельде, чтобы поместить туда мощи святого Коламба. А купцы с торгового

судна сообщили, что в конце зимы сарацины замучили нового архиепископа Кордобы.

– Евлогий. Бедняга! – Вульфхер сокрушенно покачал головой. – Я с ним никогда не встречался, но судя по тому, что о нем говорят, он был хорошим и весьма образованным священником. Его даже не возвели на престол в качестве архиепископа. – Он вздохнул. – Говорят, что там случались чудеса.

– Сарацины и морские разбойники. Испания действительно в осаде.

– Сочинишь об этом песню?

Ингельд покачал головой:

– Я лучше напишу элегию для своего брата. – Он заерзал в седле. – Радмер едет в Рим.

Радмер!

Вульфхер ничего на это не сказал. Они ехали колено к колену, причем Ингельд – на кобыле, позаимствованной в архиепископской конюшне, поскольку Буря отдыхала после двухдневного перехода из Донмута. Их конюхи предусмотрительно держались в доброй дюжине шагов позади них.

Ингельд, похоже, не собирался менять тему.

– Ты должен был поучаствовать в этом. Мы столько об этом говорили... – Его напряжение передалось лошади, и она заартачилась, стала вращать ушами в разные стороны. Ингельд наклонился вперед и погладил ее по шее. – Успокойся, красавица, успокойся. Это мои страхи, а не то, что может тебя напугать.

Вульфхер прищелкнул языком, и его лошадь немного ускорила шаг.

– Ты ведь только-только занял свой пост в донмутском монастыре. Почему ты захотел уехать оттуда так скоро?

Ингельд прищипнул и свою лошадь, чтобы не отставать.

– Только-только, говоришь? Прошло уже полгода, и зима приближается.

– Там ведь твоя мать.

– Мать, для которой я стал разочарованием. А еще мой упрямый и заносчивый брат, который находит удовольствие в том, чтобы перечить мне во всем. И моя не такая уж маленькая племянница. Я думаю, в ней присутствует боевой дух, но они раздавят ее, напирая с двух сторон. Как жернова. – Ингельд умолк, размышляя над сказанным. – Она должна дать им отпор. Ну а мне иногда хочется ее шлепнуть.

Вульфхера все это не интересовало.

– Радмер едет в Рим не по моему приказу, а по приказу короля.

– Но он включен в состав делегации, отправляющейся к Папе. – Ингельд с готовностью отбросил в сторону мысли о своих близких. – В этом должен был участвовать ты.

– Пенс Петра – это королевская десятина, не епископальная.

– Но делегацию к Папе посылают каждый год, причем без людей с телосложением Радмера. – Ингельд снова заерзал в седле. – Почему не я? Мы всегда считали, что было бы неплохо побывать в Риме.

– Да, а еще, что хорошо бы отправиться в Равенну и Константинополь. – Вульфхер поднял бровь; это настороженное выражение лица у него больше всего соответствовало обычной человеческой улыбке. – Мы еще отправимся в паломничество в ближайшие год-два, мой друг. И в Иерусалим съездим тоже, если захочешь. Но Осберт имел в виду, что несколько лет тому назад Ательвульф из Уэссекса тоже поехал в Рим со своим сыном и завел там новых могущественных друзей, причем подразумевается не столько Папа, сколько короли и принцы тех стран, через которые пролегал их путь.

– А еще нашел себе невесту – тринадцатилетнюю принцессу, если мне не изменяет память.

– Все верно, – сухим тоном отозвался Вульфхер.

– Тогда почему Осберт не поедет сам?

– Сейчас для этого не время. И ты сам это понимаешь.

Да, Ингельд это понимал. Радмер, возможно, считает его человеком поверхностным, но он умеет обращать внимание на нюансы. Ожесточенные политические интриги при дворе, наблюдаемые с безопасного расстояния, вызывали в нем то же острое запретное возбуждение, что и петушинные бои.

– Тилмон.

Вульфхер кивнул.

– Тилмона видели с Элредом, и их общение было таким близким, как никогда до этого. Это происходило к югу от реки Тис, где Элреда быть не должно.

Ингельд помолчал, обдумывая возможные последствия этого.

– Осберт, должно быть, обмочился от страха.

– Он хочет, чтобы они были у него под рукой и он мог бы следить за ними. Тилмону и Свите в Иллингхэме ничего не угрожает.

– Тем не менее он посылает Волка короля в Рим.

– Он показывает всему миру, что Волк короля по-прежнему ручной и по-прежнему выполняет его команды. И что монарх Нортумбрии имеет друзей даже во Франкии и Ломбардии, а также среди лютеран. – Вульфхер многозначительно посмотрел на друга. – Осберт злится на Радмера. Осберт считает, что сможет удержать Тилмона благодаря союзу между Донмутом и Иллингхэмом, а Радмер – просто упрямый дурак, который продолжает участвовать в войне, окончившейся семь лет назад. Мир изменился, но Радмер этого не заметил. Поэтому Осберт воспользовался этой возможностью, чтобы показать Радмеру, кто правит в Нортумбрии. И что хороший пес подчиняется своему хозяину. *Сидеть. Прогнуться. Умереть за своего короля.*

– И ты это одобряешь?

– А почему нет? – Вульфхер пожал плечами. – Осберт, может, и кузен мне, но я не думаю, что мне суждены те же взлеты и падения, что и ему. Пусть рискует сам. Так что да, одобряю, почему бы нет?

Ингельд задумался, искоса бросив долгий взгляд на узкое лицо друга. Вероятно, он прав насчет того, что у короля своя судьба, а у архиепископа – своя. Короли и их тэны подвержены капризам рока. Двор постоянно разъезжает по многочисленным резиденциям короля, от Дриффила и Гудманхэма на юге до Бамбурга и Эдинбурга на дальнем севере, и лица там постоянно меняются, по мере того как одни обретают благосклонность монарха, а другие ее теряют. Однако благополучие и власть йоркского архиепископства были стабильны и непреходящи. Ему принадлежали блистательные соборы – Святого Петра, Премудрости Божьей, Святого Мартина, Святой Марии, Святого Григория. Крупнейшая библиотека на западе Милана. В Йорке всегда было что-то новое, что-то прекрасное, что-то такое, что уводило его от постоянно присутствующей угрозы скуки. И безысходности, которая еще страшнее скуки.

Снова взглянув на архиепископа, он обнаружил, что Вульфхер по-прежнему смотрит на него, подняв бровь.

– Знаешь, как говорят во Франкии?

– Как?

– Пока волка нет, маленькие лисята могут порезвиться.

– Ха.

Некоторое время ехали молча. Палило солнце, но в лицо дул освежающий бриз, а на севере, над холмами Хамблтона, начали собираться грозовые тучи.

– Нам нужно поворачивать обратно. – Вульфхер натянул поводья.

Ингельд заупряился:

– Думаешь, нужно? Кстати, о волке. Мы могли бы отправиться в холмы. Поискали бы сейчас следы, а потом вернулись бы с собаками.

Вульфхер вздохнул:

– Ты ничего не заметил, маленький лисенок? Мы с тобой больше уже не простые послушники.

– Правда, милорд архиепископ? Как это произошло? – Демонстративным жестом Ингельд повернул голову своей лошади к югу.

Местность здесь была ровной, и они какое-то время скакали рысью.

Вульфхер был прав. Он слишком расстроен и испытывал нелепую детскую обиду из-за того, что брату доверили такую исключительную миссию. Но отсутствие Радмера могло принести ему определенные выгоды. Над этим нужно было подумать.

Наконец показались крыши и стены высокого Йоркского собора.

– Давай, поскакали! – крикнул Ингельд. Может, они и не послушники уже, но будь он проклят, если позволит своему лучшему другу без борьбы поддаться возрасту. – Я обгоню тебя.

17

Как только кто-то крикнул, что видит парус, Радмер пошел к конюшням.

– Скажите Элфрун, чтобы пришла ко мне.

Он вскочил на покрытую попоной спину Хафока и направился к холму, склон которого начинался прямо за двором. Трава в конце лета была высокой и расцвеченной розовыми и золотистыми шапками созревших семян с редкими пятнами последних лютиков; все казалось укрытым сплошным маревом, зеленым с золотом, хотя восточный ветер, шевеливший траву и поднимавший рябь на лугах, был таким же сердитым, как и в последние два дня. Этот ветер и пригнал наконец-то корабль – на несколько недель позже оговоренного срока. Ягнята этого года, которые уже так подросли, что почти не отличались от своих матерей, при его приближении бросались врассыпную, трясая хвостами. Когда он добрался до ряда курганов, с берега воспринимавшихся как гребень холма, он замедлил шаг и оглянулся.

Ему было сорок два года, и половину своей жизни он правил Донмутом. Он пересек всю Нортумбрию вдоль и поперек; он воевал с мерсийцами и людьми из Линдси, чьи земли подступали вплотную к его владениям с северо-востока, с пиктами на севере, за рекой Форт, с воинами Дамбартона на их скале у реки Клайд, воевал даже в далеком Уэльсе. У него были шрамы, подтверждающие это. Но на востоке до самого горизонта простиралась беспокойная сине-серая масса воды, которая сейчас блестела перед ним. Он натянул поводья, разворачивая Хафока в ту сторону, откуда приехал, к крышам зала, хеддерна, жилых помещений, кухни и ткацкой мастерской. Несколько человек латали крышу зала кровельной дранкой. Он обрадовался, заметив во дворе Видиа, который придерживал Мару, помогая

Элфрун сел в седло. Для него было большим облегчением то, что его егеря наконец-то встали на ноги. Не было в Донмуте ни единого человека, которого бы он не ценил. Эти строения, поля и пастбища за ними, торфяники, соляное болото и топь, сотня человек, которые непрерывно работали под его руководством, делая Донмут таким, каким он теперь был, на границе этих и несоленых и соленых, в общем, солоноватых вод, — это и был весь его мир.

Но Донмут был не просто усадьбой с землями вокруг нее. Здесь был монастырь, собирающий богатые пожертвования.

Радмер покачал головой. Из зала монастырь не был виден — его закрывал выступ берега реки. Монастырь располагался в трех милях отсюда, но все же, с точки зрения Радмера, недостаточно далеко, раз аббатом там был Ингельд. При этом Радмер понимал, что его злость на брата вредит ему — и его душе, и его телу.

Ситуацию нужно было изменить.

Вернувшись из Рима, он сделает то, что мать уже давно советовала ему сделать: построит небольшую часовню возле зала. Он уже ясно представлял ее себе. Дом, достойный Бога, оштукатуренный и покрашенный снаружи и внутри, с позолоченным крестом на фронтоне, чтобы, когда он, будучи уже слабоумным стариком, пошатываясь, выйдет из зала, этот сияющий на солнце божественный символ был первым, что бросится ему в глаза.

Абархильд сказала, что это принесет ему утешение. Станет бальзамом для его души. И он будет учиться прощать и попытается примириться со всеми, что так необходимо ему, грешному.

Хафок занервничал и попытался двинуться вперед, и Радмер сильнее натянул поводья.

Старческое слабоумие. Вот тогда у него будет достаточно времени, чтобы покаяться во всех жестокостях и тайных мыслях, чтобы исправиться, прежде чем предстать перед Богом. Ради его семьи, ради Донмута, ради Нортумбрии. Не ради себя самого — во всяком случае, до сих пор таких намерений у него не было. Господь, конечно, поймет его.

Но он еще не старик и не выжил из ума — не окончательно, по крайней мере. Внезапно Радмер почувствовал острое желание ударить Хафока коленями в бока и послать его в головокружительный галоп вниз по склону, к берегу, с ликующими безумными криками, а потом взбежать на корабль и оставить позади все свои тревоги. Но вместо этого он сделал глубокий вдох, позволив себе лишь слабую улыбку, после чего поправил на плечах красный плащ — серебряные наконечники на его завязках мелодично звякнули друг о друга.

Последние недели он постоянно строил планы относительно своей поездки, но в гораздо большей степени касалось Донмута и того, как они тут будут справляться в его отсутствие. Сено было давно скошено и убрано, ячмень собран, яблоки поспевали, но он уже чувствовал, как на смену поре сбора урожая тяжелой поступью подходит суровая зима. Столько всего еще нужно сделать! Распределение продуктов и ремонт инвентаря, забой свиней и бычков, бесконечный обмолот зерна, множество других предсказуемых дел... и непредсказуемых тоже.

И это только в Донмуте.

К нему по траве рысью подскочила на Маре Элфрун, запыхавшаяся и разбурявшаяся. Она придержала своего пони, и Радмер приветственно поднял руку, разом отмахнувшись от всех тревог, которые жужжали вокруг него, словно летние мясные мухи. Позади нее, за рекой и эстуарием, на границе владений Иллингхэма, земля засыпала в лучах заходящего солнца, погружаясь в тень. Он не привык колебаться, но чувствовал себя загнанным в ловушку этой

поездкой в Рим. И еще он не знал, кому верить.

Значит, нужно довериться своим инстинктам. Они никогда не подводили его.

Осберт ценил его преданность. Осберт был обязан ему жизнью. В течение двадцати лет они с королем многое делали сообща.

Осберт никогда не послал бы его в Рим, если бы со стороны Иллингхэма угрожала какая-то опасность. Но, несмотря на все эти рассуждения, он не мог оставаться спокойным, когда Тилмон и Свита находились так близко.

– Ты хотел меня видеть, отец?

Он кивнул. Он планировал поговорить с ней, еще когда вернулся из Дриффилда, и больше откладывать этот разговор было нельзя. Абархильд была права: его маленькая девочка прощалась с детством, вернее, она уже оставила детство позади, а он и не заметил этого. Сейчас ей было столько же, сколько и ее матери, когда он женился на ней, да простит его Господь.

Но, хотя он понимал, что она уже не ребенок, ему было трудно подобрать нужные слова. Разве мог он высказать ей свои опасения? Это было равносильно тому, чтобы признать свою несостоятельность как отца, повелителя, защитника.

– Отец?

Да, люди были правы, когда говорили, что к этому времени он уже должен был пристроить ее куда-то. Либо к хорошим монашкам на севере, в Ховингхэме, как хотела Абархильд, либо выдать ее замуж за надежного человека. А он подвел ее, возможно, разочаровал.

Он боялся момента прощания, боялся слез, истерик. Но она смотрела на него своими большими и блестящими карими глазами, не отводя взгляда.

Он ободряюще кивнул:

– Мы вернемся весной. Как только можно будет пройти по горным тропам.

– Абархильд говорит, что в горах опасно, когда тает снег. И еще она говорит, что ты не должен рисковать, если можно этого не делать.

Не так он представлял себе их разговор. Он вздохнул:

– В мое отсутствие твоя бабушка будет хозяйкой поместья. – Он поднял руку, пресекая возражения. – Я уже предупредил Луду. И я хочу, чтобы ты слушалась их. Выполняй их распоряжения, чего бы это ни касалось.

Он сообщил Абархильд и Луде о своем решении лишь накануне.

Абархильд, разумеется, пришла в бешенство:

– Ты делаешь это, чтобы доконать меня, да? Элфрун уже достаточно взрослая для этого, даже более чем. – Он хотел что-то возразить, но она опередила его: – Да, конечно, в ней много ребячества, но она останется такой до тех пор, пока ты будешь относиться к ней, как к ребенку.

Он, скрестив руки на груди и сжав зубы, выслушивал ее горькие слова, пока она наконец не умолкла.

А затем он услышал возражения от того, от кого ожидал их меньше всего.

– При всем моем уважении к вам, я согласен с леди Абархильд. – Луда искоса взглянул на него и, цыкнув зубом, рассудительно произнес: – То же самое творится и с моей старшей дочерью. Этим девочкам, чтобы они утихомирились, нужна ответственность. Замужество, дети. Что-то такое, что заставило бы их измениться.

Радмер не смог бы объяснить свое упрямство даже самому себе. Но он ощущал, что ему

разбивает сердце мысль о том, что Элфрун взвалит на свои плечи такой груз забот, когда его не будет рядом и он не сможет приглядывать за ней и подсказывать, что и как делать.

А если его не будет, ей придется быть одновременно и хозяином и хозяйкой, лордом и леди поместья, взвалив на себя бремя правосудия и наказаний, ведения записей и выплат, а в придачу она еще должна будет надзирать за пивоварней, выпечкой хлеба и ткацкой мастерской.

Нет. Это было бы слишком для нее. Слишком много и слишком рано. Он знал, что Элфрун считает, что сможет выполнять обязанности своей матери, и, возможно, она права. Но не сейчас, а следующим летом, когда он вернется и Абархильд отойдет от дел. Но и тогда и речи быть не может о выполнении ею обязанностей лорда.

Абархильд попыталась подействовать на него своим пристальным взглядом, но он противопоставил ее ярости холодный гнев и непоколебимую волю. А вот Луда потирал руки, втянув голову в плечи и улыбаясь своей подобострастной улыбкой, которая всегда выводила Радмера из себя, и противиться ему было намного сложнее. Он ценил своего стюарда за умение руководить повседневной тяжелой работой в поместье, а также за должный надзор за дублением шкур и дальнейшей их выделкой для получения пергамента. Он также чувствовал себя в большом долгу перед этим человеком после того кошмарного дня в середине лета более двадцати пяти лет тому назад, когда Луду покалечили, затоптав во время игры в бочонок.

Да, можно доверять человеку и уважать его, даже если ты его не любишь.

В конечном итоге они уступили, и он знал, что так и будет, но все это оставило горький осадок на душе.

Элфрун нахмурилась, лицо ее горело, она явно хотела ему возразить, поэтому он поторопился продолжить:

– Элфа, я тревожусь, – он не смог заставить себя произнести слово «боюсь», – из-за обитателей Иллингхэма. Они опасны. Избегай их. – Она нахмурилась еще больше. – Тилмон, помнишь его? Тот крупный мужчина на празднике.

– Человек-бык.

Он кивнул.

– Точнее не скажешь. Упрямый. Мощный. И он уже давно такой. – Сейчас он говорил это не только для нее, но и для себя. – Возможно, я ошибался. Может быть, Осберт поступает осмотрительно, держа его подле себя. Но когда-то я сражался с этим человеком плечом к плечу, а потом воевал против него; друг он или враг, я ему не доверяю. – В памяти всплыли воспоминания, от которых сердце забилося чаще, и он добавил: – Не доверяю им.

– Я понимаю тебя. Но я их видела только мельком – там, на празднике. – Она выдержала паузу. – А бабушка будет говорить на сходе? – Она отпустила поводья, и Мара тут же принялась жевать высокую траву.

– Что? Сомневаюсь. – Он все еще вспоминал былые сражения и теперь сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Вдалеке вдруг появился всадник на светло-сером коне, он скакал по дороге, ведущей от монастыря к гавани, и беспокойство Радмера усилилось. Насколько его желание уехать отсюда было обусловлено стремлением освободиться от присутствия своего надоедливого младшего брата? Позади него на муле скакал Хихред, и Радмер не сомневался, что в узле, болтавшемся у луки седла дьякона, находится нелепо разукрашенная желтая шелковая риза Ингельда. Достойная епископа – именно о таком сани для Ингельда самозабвенно мечтала

Абархильд.

Радмер повернулся к Элфрун:

– Предложи Ингельду выступить на сходе, если понадобится. У него, похоже, времени на такие вещи предостаточно.

– Отец... – Она умолкла, словно колебавшись, но потом выпалила: – Оставь мне свой плащ, хорошо?

– Что? – Он хмуро взглянул на нее.

Что за странная просьба! Этот красный плащ был соткан женой короля и ее женщинами, а пряжа для него была окрашена дорогим кармином, привезенным с далекого юга; одни только искусно сделанные наконечники для завязок стоили небольшого состояния, не говоря уже о стоимости серебра, из которого они были изготовлены. Можно было бы посчитать их слишком кричащим элементом одежды, который больше подошел бы молодому воину, ищущему любовных приключений, чем такому седеющему боевому волку, как он, но этот подарок был большой честью для него, и он носил его с гордостью.

– Говорят, в Риме жарко. – Она вызывающе вскинула подбородок; глаза ее горели. – Тебе он там не понадобится. А я хочу иметь что-то... – она нервно обхватила себя руками, – хоть что-то. Ах, ладно, не обращай внимания.

«Как это по-детски!» – подумал он. Так маленький ребенок тянется к тряпке, которая пахнет материнским молоком. А ему до места назначения предстояла дальняя дорога в то время, когда осень переходит в зиму, и добираться ему придется по земле и по морю, да еще и преодолевать высокую горную цепь. К тому же он был посланником короля, и для него было крайне важно выглядеть соответствующим образом. И тем не менее, не совсем понимая, почему он это делает, Радмер вытащил завязки из петель и сбросил с плеч тяжелый шерстяной плащ.

– Вот, возьми. – Подведя Хафока поближе, он неловко набросил плащ на плечи дочери. Она утонула в нем, и он быстро отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Его маленькая девочка. – Это будет напоминать всем на свете, что ты Элфрун, дочь Радмера. Элфрун из Донмута.

В эстуарии бросало якорь приземистое торговое судно с широким корпусом, приспособленное для плавания в прибрежных водах. Какой бы мелкой ни была у него осадка, постоянно менявшие свое местоположение песчаные отмели между Донмутом и Иллингхэмом всегда представляли опасность, и поэтому мудрый капитан остановился далеко от берега. Даже отсюда Радмер видел, какая суматоха поднялась во дворе усадьбы, слышал голос Луды, который командовал переноской тюков с поклажей к берегу. Багажа было много: следовало обеспечить посланника короля всем необходимым во время долгого пути. Был там и Данстен, которого благодаря светлой шевелюре трудно было с кем-то спутать, и он указывал рукой на холм. Радмера заметили. Пора было спускаться на берег. Он наклонился вперед и похлопал Хафока по шее. Видиа знает толк в лошадях. Хафоку будет здесь хорошо.

И вообще все будет хорошо.

Он сделал все, что мог. В его доме был порядок.

Но, несмотря на тревогу, стучавшую в голове тяжким молотом, он по-прежнему ощущал приятное возбуждение, которое пробивалось сквозь все остальное, словно ручьи, несущие

свежую родниковую воду с летних пастбищ. Пора идти. Ветер приносил с моря запах соли и гниющих водорослей. Он знал этот запах всю свою жизнь, но сегодня воспринимал его так, будто ощущал его впервые.

От донмутского берега отчалила небольшая четырехвесельная лодка, и Радмер уже в который раз подумал, что пора бы уже им построить свой причал и не ходить больше с таким трудом и так далеко по вязкому мокрому песку во время отлива.

Наверное, он так и сделает, когда вернется.

Ему нужно было находиться внизу, чтобы следить за погрузкой. Чтобы убедиться, что красивые красные кожаные мешки с золочеными застежками, в которых находились дары для Папы Николаса, сложены в самом надежном и сухом месте. И письма для архиепископа Реймского. Его охранная грамота, рекомендательные письма, список монастырей, которые дадут ему приют на долгом пути через Франкию и дальше, через эти таинственные горы, о которых ходит столько небылиц...

Он вздохнул и послал Хафока вперед так, что Элфрун сразу отстала. Но на середине склона он приостановился. Отсюда берег Иллингхэма был хорошо виден, и там, за линией прилива, собиралась небольшая толпа. Дело обычное, почему бы им там и не находиться? Только вот они не чинили сети и не смолили лодки – они вообще ничего не делали. Просто стояли и смотрели. Даже с такого расстояния он мог различить среди них массивную фигуру Тилмона с его блестящей на солнце лысиной и его русоволосого сына рядом с ним. Вообще-то ничего особенного в этом не было. Вид корабля всегда завораживает, независимо от того, исходит от него угроза или надежда. Но при виде этих заинтересованных наблюдателей у него холодела кровь, гася последние искры радостного возбуждения.

Тилмон и его сын. Радмер нахмурился и бросил взгляд на Элфрун.

Любил бы он свою дочь так сильно, если бы в живых остались его сыновья?

Они с дочкой рысью спустились с холма к небольшой группке людей на берегу и придержали лошадей, глядя на море. Гребцы на донмутской лодке подняли весла и поймали брошенный им с палубы конец. Это судно, курсирующее в прибрежных водах, было им хорошо знакомо, потому что оно заходило в их гавань два раза в год; к тому же люди в Донмуте за много недель знали, что их лорд отплывет именно на нем. Даже с такого расстояния крепкие плечи и седые кудри хозяина и капитана судна, спрыгнувшего в четырехвесельную лодку, были узнаваемы. Чего не скажешь о фигуре в плаще с капюшоном.

– Где вы были? – раздраженно бросила Абархильд. – Этот ветер принес с собой дождь. Заставлять меня стоять тут в непогоду! И почему на ней твой плащ?

Лодка развернулась и направилась к берегу; гребцы делали длинные мощные гребки, и дувший с востока бриз помогал им. Люди из Донмута отлично знали нрав моря.

Когда худощавый незнакомец перебирался в лодку, капюшон соскользнул с его головы, и Радмер смог рассмотреть, что у него темные волосы и выбритая макушка. Посланник архиепископа, который будет сопровождать его в путешествии? На берегу начали собираться жители Донмута, чтобы проводить своего лорда в путь. Луда с Сетрит и ватагой детей поменьше. Хирел, здоровенный пастух, стоявший чуть в стороне; своим мрачным лицом с отвисшим подбородком он напоминал Радмеру верного пса, печалящегося по хозяину. Здесь же был кузнец Кутред с женой и целой оравой детишек. Кудда стоял поодаль. Видиа, все еще изможденный, со страшным багровым шрамом через все лицо; по тому, как он держался, Радмер понимал, что недавние переломы и заживающая рана на боку все еще причиняют ему боль. Абархильд сказала, что если он не будет беречься, то так и останется согнутым на одну

сторону. А такое увечье могло сделать человека озлобленным. Немногим удалось избежать этого, взять хотя бы Луду с его хромотой.

Лодка выплыла на мель и накренилась, зарывшись килем в песок. Капитан помог человеку с тонзурой прыгнуть с борта в воду, доходившую тут до щиколотки. Незнакомец сжимал в руках ларец из золотистого дуба, тонкой работы, но без украшений; вдобавок на плече у него висел тяжелый мешок из двойного холста, мешавший ему удерживать равновесие. Но самой большой ценностью, конечно, был ларец. С новыми дарами для Папы, вероятно.

Незнакомец обернулся и направился прямо к Радмеру. Он выпрямился и расправил плечи, явно готовясь поприветствовать лорда. Но нет, черные и пустые глаза мужчины смотрели правее него. Неожиданно чужак неуклюже опустился на колено перед Абархильд, продолжая сжимать в руках ларец, словно тяжелое и непокорное дитя. Кожа у него была землистого цвета с зеленоватым оттенком, и Радмер подумал, что море по пути сюда, видимо, сильно штормило. Бесцветные, будто стеклянные, глаза, крупный нос с высокой переносицей. Тонзура была выбрита аккуратно, но череп уже покрывала густая щетина. Он поклонился Абархильд:

– *Domina*^[24].

И она тут же ожила. Залепетала что-то по-галльски, с легким присвистом, хотя на этом языке, чем-то напоминавшем звучание флейты, не говорила здесь никогда. Потом она нагнулась и, подхватив его под локоть, помогла ему встать, при этом кивком указав Луде на ларец, чтобы стюарт принял его. Неловкий и горячий обмен приветствиями – и теперь уже Абархильд с трудом опустилась перед ним на колени, чтобы принять его благословение. Как-то незаметно с галльского они перешли на латынь, но Радмер этот момент не уловил.

Он соскользнул с покрытой попоной спины Хафока на землю.

– Что это?

– Мы привезли вам нового священника, – усмехнувшись, пояснил капитан, и на его обветренном лице сверкнули белые зубы. – Он сел к нам в Дорестаде – ему повезло, потому что в этих краях курсирует мало кораблей. Слухи о «морских волках» для большинства людей очень убедительны.

Радмер закрыл глаза. Он готов был согласиться выполнить просьбу матери о новом капеллане для нее, но только это должно быть его решение. И то, что его поставили перед фактом, привело его в ярость. Но он уже чувствовал дуновение бриза на щеке и видел небольшую рябь на воде у самого берега. Ветер менял направление – начинался отлив. Пора было отправляться в путь.

Он повернулся спиной к матери, к ее новому незваному гостю и к Ингельду, который и правда надел желтую шелковую рясу и теперь стоял с этой своей особой ухмылкой, которая так раздражала его. Радмер знал, что брат немедленно отправится обратно в Йорк, едва паруса их корабля скроются из виду. Хихред пытался поджечь ладан в кадиле, проклиная восточный ветер. Радмер не держал на него зла: дьякон исправно вел дела монастыря все то время, пока там, после смерти их дяди, не было настоятеля. Он был хорошим человеком, надежным – как родственник; Радмер даже подумывал о том, что следует позволить Ингельду развлекаться в Йорке, пить архиепископское вино и читать свои книжки, а настоятелем монастыря назначить Хихреда, невзирая на недовольство Абархильд.

Еще одно дело, которым он займется по возвращении.

Но в данный момент ему меньше всего хотелось всего этого балагана с благословением

Ингельда, демонстрирующим показную печаль. Проще сделать вид, что его брата здесь вообще нет.

— Поднимайте на борт мои вещи и людей. — Он кивнул Данстену. — Проследишь за этим вместе с капитаном?

Абархильд потянула за полу красного плаща.

— Зачем ты его надела, Элфрун? Отдай немедленно отцу. Ему он ох как пригодится, когда он будет идти через перевал Монт Жув^[25].

Но и отец и дочь проигнорировали ее слова. Радмер знал, что ему нужно преклонить колени, чтобы получить благословение матери, но он был слишком сердит на нее. Он притянул Элфрун к себе и неловко обнял ее последний раз, а потом оттолкнул и снова повернулся к хозяину судна, даже не взглянув на нее больше.

— Вперед. А то пропустим отлив.

Летопись, скрипторий Йоркского кафедрального собора 14 сентября 859 года.

Праздник Воздвижения Креста Господня

Летописец взглянул на слова, которые только что написал, на лист только что развернутого шелковистого пергамента нежного кремового цвета. Как приятно вернуться сюда. За те недели, что он отсутствовал, никто ни к чему не прикасался на его рабочем столе. На этом листе донизу и в том месте, где когда-то будет сгиб под обрезку и крепление других страниц, он слегка наколол направляющие линии для записи перечня событий, которые стоили того, чтобы их увековечить. Этого хватит на ближайшие годы. Этого, без сомнения, хватит до конца его жизни, даже если жить он будет долго и станет свидетелем великих событий. Ровные и расположенные через равные интервалы, эти призрачные линии убегали вниз по белой поверхности, ловя за свою решетку будущее еще до того, как оно стало действительностью.

Чернильница была сухой, в ней оказалось лишь рыжеватое пятно. Чернила должны были оставаться в запасе, но вместо того, чтобы сразу пойти и принести их, он опустил на табурет и устался на белый лист, лежащий перед ним, пока он не начал расплываться перед глазами. Он думал о природе времени и пространства. Вот живут они где-то ближе к концу Шестой и Последней эры человечества, в мире, который постарел и погряз в грехе, на затерянных в Океане островах, так далеко от находящегося в Иерусалиме центра, что дальше уже некуда. Он подумал о празднике, который они отмечают сегодня; об императрице Елене, упрямо приказывавшей своим людям вести раскопки, пока из грязи и праха на Голгофе действительно не показался тот самый крест. В разных народах собирал Господь свой урожай, сея куколь, вику и плевелы наравне с добрым семенем. Он опустил глаза на свою хорошую одежду, обувь из красной кожи, золотое кольцо на пальце. *И раз Бог с такой роскошью одевает полевые травы, которые сегодня есть, а завтра будут брошены в печь...* [26] Он не сомневался, что такой «золоченой лилии» [27], как он, справедливый Господь предначертал именно печь.

Он оттолкнул табурет назад и пошел за чернилами.

Также в этот год Амлаиб и Имхаир заключили союз с Керболлом против Маэла Секнейла, и потому сильно страдало королевство Мит. Его перо всякий раз запиналось на чуждых ему именах ирландских королей, равно как и на имени морского разбойника, которые он услышал вчера вечером за столом у архиепископа от странствующего священника из Келлса. *Этельбальд из Уэссекса женился на молодой вдове своего отца, и это немало встревожило епископов Западной Саксонии.*

Альянсы между королями и военачальниками, беспокойство могущественных епископов – это, конечно, важные события, но будут ли они значимы для людей, заглядывающих в прошлое через сто, через тысячу лет, если мир в то время все еще будет, хромая, двигаться вперед? Он сделал паузу, и перо его застыло над пергаментом. *В этот год король нортумбрианцев Осберт вернул свое расположение Тилмону, пожаловав ему Иллингхэм. Также в этот год тот же король отправил Радмера из Донмута в Рим. Оба эти решения*

удивили многих.

Мелкие происшествия и то, что так и не произошло. Стрелы, не попавшие в цель, семена, упавшие на каменистую почву. Когда-то они с архиепископом мечтали о написании продолжения Великой истории Нортумбрии святого Беды Достопочтенного. «Беда перестал вести свои записи лет сто тому назад или даже больше, – сказал тогда Вульфхер. – Подумай, сколько всего произошло с тех пор». Однако работа Беды была обескураживающе совершенна. Разве могли они вдвоем на скорую руку сочинить что-то такое, что потом можно было бы прицепить к ней как продолжение?

Все это так и осталось мечтами.

Теперь, по прошествии более десяти лет, он находил книгу Беды еще более волнующей. Тот старый монах из Джарроу был уверен, что следует Божьему плану в истории. Но сам он общей картины не видел. Скорее, это были лишь разрозненные цели. Послания, которые слишком запоздали либо не дошли до адресата. Болезни, рождение детей и смерти, которые расставляли мужчин и женщин по местам в жизни, где они оказались по воле случая, исключительно случая. Кто мог сказать, станет ли тот или иной человек святым или отъявленным грешником? Бог, конечно, один только Бог. Люди не могли высказывать такие суждения относительно друг друга и продолжали спотыкаться, блуждая во мраке своего невежества.

Только свои собственные сокровенные тайны он знал наверняка.

Нет, уж лучше он будет вести эту малозначительную летопись. Несложная работа, не требующая значительных умственных усилий. Короткие предложения, обтекаемые фразы, отсутствие морализаторства либо глубинного смысла. Как и происходит в жизни маленьких людей. Господь Справедливый проклянет их всех до одного, и не будет у них никакой надежды на прощение. А Господь Милостивый протянет руку, чтобы поймать провинившегося воробья^[28].

В этот год ласточки вернулись в свои обычные места обитания на апрельские иды^[29]. В лесу куковала кукушка. Светило солнце.

19

На следующее утро после отъезда отца Элфрун проснулась со странным ощущением внутренней пустоты. Сны ей снились беспокойные: она что-то потеряла и не могла найти, хотя искала повсюду – в щелях между половицами, под настенными коврами, но ощущение пропажи не уходило, продолжая беспокоить ее. Небесный свод исчез, и вместо него зияла пустота.

Отец уезжал и раньше. Дни его ратных подвигов относились к периоду ее раннего детства. Он довольно часто сопровождал в поездках короля; он также по поручению Осберта путешествовал по дорогам южной Нортумбрии в качестве старшего *префекти*^[30] короля, становясь его глазами и ушами, устанавливая налоги и следя за их уплатой, выслушивая жалобы, чтобы передать их королю. Его могло не быть по несколько недель, и тем не менее жизнь в Донмуте не останавливалась.

Почему сейчас что-то должно быть иначе? Наверное, потому, что теперь с ним не было возможности связаться, отослать письмо ему или получить от него весточку, поскольку он уплыл за море. Сейчас он на борту корабля и, должно быть, уже проснулся. Мерзнет без

своего красного плаща, слушает плеск волн и скрип досок обшивки, смотрит, как мир обретает форму, по мере того как серое море сливается с небом.

Она всегда беспокоилась, когда он уезжал, даже если он отсутствовал всего несколько недель, даже когда ее мать была жива.

Элфрун лежала неподвижно. Последние пару лет она спала в домике для женщин, где также находилась ткацкая мастерская. Очень немногие хозяйства имели ткацкие станки, и поэтому девушки работали здесь. Для них и некоторых женщин постарше, которым некуда было идти, оставаться спать прямо там было проще. Вокруг очага сейчас сгрудилось с полдюжины спящих тел. Судя по всему, было еще очень рано. Она чувствовала, как сквозь обмазанные глиной стены и крытую соломой крышу внутрь просачивался осенний холод.

А может, ей стало зябко из-за того, что он уехал за море? Когда Элфрун думала о море, о настоящем глубоком море, по коже у нее всегда бегали мурашки. Дюны были родной территорией, равно как и обнажавшийся при отливе берег; да и отмели ее не беспокоили. Она привыкла в голодные времена добывать пропитание, собирая крабов и моллюсков, морской укроп и морскую капусту. Но глубокое море – совсем другое дело. Даже рыбаки не уплывали дальше, чем это было необходимо, а после возвращения рассказывали о громадных китах, странных туманах и шпилях, о необъяснимых криках и столах, слышимых сквозь обшивку их суденышек, – песнях утопленников.

По коже побежали мурашки, и ее передернуло, как будто по одеялу пробежала крыса. С ним этого никогда не случится. Она перевернулась на бок, встала на ноги и осторожно прошла между спящими. Мир еще не заполнился красками, до рассвета было далеко, так что даже петухи пока молчали. Холодно, легкий туман. Сходить по нужде, потом съесть яблоко и горсть лесных орехов, после чего можно будет найти какое-то полезное занятие, чтобы прогнать последние обрывки тревожных снов.

Она оставила шерсть, которую чесала, вместе с гребнями в корзинке в маленьком бауэре своей бабушки. Абархильд плохо спала по ночам, зато охотно уходила вздремнуть после обеда, и Элфрун подумала, что в этот час бабушка будет рада ее приходу.

Но когда она приоткрыла дверь и осторожно заглянула в комнатку, оказалось, что Абархильд там нет. Две женщины, прислуживающие ей, похрапывали на своих соломенных тюфяках у обложенного камнями очага, но красивая деревянная кровать, которая служила бабушке со времен ее первого брака и которую она привезла с собой из-за моря, была пуста и застелена. Озадаченная Элфрун шагнула назад, под навес с соломенной крышей, и огляделась. На ближайшей навозной куче прокричал первый петух, ему ответил еще один. Уйти далеко Абархильд не могла. Элфрун обошла вокруг дома, заглянула в нужник и в кухню, после чего остановилась перед залом, чувствуя себя глупо.

Мир начинал просыпаться. Она уже ощущала запах дыма из очагов, слышала сонные голоса.

И тут ее осенило. Бабушка, должно быть, ночевала в монастыре. Сначала они все стояли и следили за красно-белым парусом, который то скрывался за волнами, то снова появлялся, пока наконец он не скрылся за серым горизонтом, после чего Абархильд и ее новый духовник отправились в монастырь. Абархильд отобрала у Хихреда его мула и велела ему взять у священника его мешок.

Элфрун, которая в тот момент была слишком занята размышлениями об отъезде отца, слышала, как Хихред спросил:

– А вы знали об этом?

Ингельд тогда пожал плечами:

– Она говорила мне, что написала письмо аббату в Корби.

– Но почему же вы не сказали об этом мне? Или Радмеру? Ради всего святого, Ингельд!

– И что бы это дало? – Ингельд все еще смотрел в морскую даль, в ту точку, где корабль скрылся за мысом Лонг-Нэб. – Из этого могло ничего и не выйти. Не буди лихо...

...Пока оно тихо? Так, значит, новый священник был этим самым лихом? Отец разозлился. Хихред, похоже, тоже был зол, хотя обычно он был добродушным и веселым. Ингельд, казалось, умышленно испытывал всеобщее терпение. И при этом все его, похоже, любили. «Или почти все», – мысленно поправила она себя, вспомнив об отношении к нему отца.

Каково было ему уезжать с такими мыслями?

Утро было уже в разгаре, когда скрип и тархтенье запряженной волом повозки возвестили о возвращении Абархильд. Элфрун сунула галево^[31] между направляющими нитями основы будущего холста и, выскочив под яркие лучи сияющего сентябрьского солнца, застала свою бабушку отрывисто раздающей распоряжения. Ее большую резную кровать уже разобрали и вынесли из бауэра, а теперь по частям укладывали в конце телеги. Одна из женщин стерегла сундук, в который когда-то было сложено приданое Абархильд, и стопку аккуратно уложенных кусков обивочной ткани.

Элфрун непонимающе смотрела на все это.

– Что здесь происходит?

– А, вот и ты! Наконец-то! – Абархильд даже не обернулась. – Я переезжаю в монастырь. – Губы ее сморщились в слабой напряженной улыбке.

– Но где ты там будешь жить? И как же наша усадьба? Отец сказал, что ты никуда не уедешь! Кто будет присматривать тут за всем?

Бабушка небрежно махнула рукой:

– Что касается того, где мне жить, Хихред и Фредегар позаботятся об этом.

– Фредегар? – Это имя было ей незнакомо. – Новый священник?

Бабушка кивнула, а затем, вытянув руку, проворно ударила ее своей палкой по голени, но это было не наказание, она просто указывала направление.

– Идем в зал. Нам необходимо поговорить.

Нам?

Никогда еще их поместье не казалось Элфрун таким заброшенным и угрюмым. Радмер увез с собой большую часть его великолепия. Здесь были те же люди, но мысли ее занимало отсутствие, а не присутствие.

– Садись, Элфрун. – Абархильд указала палкой, куда ей сесть.

– Что, в кресло? – Она была обескуражена, так как очень хорошо помнила, что ей запрещали садиться в него, а когда она была ребенком, не давали на него взбираться.

Толстая подушка с решетчатой вышивкой красными и желтыми нитками уехала в Рим, но даже в отсутствие отца это большое кресло из вяза с высокой спинкой и точеными декоративными насадками оставалось воплощением и его самого, и его власти.

Но дальше последовало:

– Нет, нет, глупая девчонка, не туда. Садись здесь, на скамеечку для ног.

Бабушка, хромая, двинулась вперед, и тут же кто-то, находившийся до этого в тени, выскочил вперед, предлагая ей руку, чтобы помочь, но бабушка отстранила его. Это был Хирел, их пастух, – Элфрун разглядела его, когда глаза привыкли к полумраку. Его вообще

было трудно с кем-то спутать. Он был такой большой, самый большой в Донмуте, по крайней мере.

Он был хорошим пастухом, но Элфрун всегда чувствовала себя рядом с ним как-то неловко. Он был таким неуклюжим, двигался неторопливо, речь его была тягучей; под ногтями у него всегда была черная грязь, а руки все были в ржаво-рыжих пятнах. Впрочем, она хорошо знала, что пятна эти, похожие на засохшую кровь, были от охры, которой метили стадо, и от овечьего жира. Его ценили за то, что он хорошо управлялся с овцами, а теперь, когда он в середине прошлого лета неожиданно вынес бочонок во время игры, зауважали еще больше.

Стараясь скрыть свою растерянность, она подошла и села на скамеечку. Теперь она заметила, что Луда тоже был здесь, и у нее все внутри сжалось. Ее отец не раз говорил ей, что у Луды есть все качества, чтобы быть хорошим стюардом. «Он строго следит за моим добром. Ничего не тратит впустую. Честный и все запоминающий ангел». Должно быть, подозрительность была свидетельством его честного отношения к делу. Но в памяти ее отложилось слишком много воспоминаний о том, как он отчитывал ее за то, что она сделала, или за то, что сделать не смогла. Поэтому в его присутствии кожа на затылке и на спине у нее сама собой начинала зудеть и подергиваться, как у лошади, по шкуре которой ползает овод.

– Ты хочешь быть леди Донмута, – сухим тоном произнесла бабушка.

Это для Элфрун было совершенно неожиданно.

– Да, но...

– Вот ключи. – Своими узловатыми пальцами Абархильд сняла с пояса бронзовое кольцо со связкой ключей. – Давай, девочка. – Ключи мелодично звякнули. – Возьми их.

– Но отец сказал...

– Я устала, Элфрун. И мне до смерти надоело спорить по поводу этого. Если я тебе понадобится, я буду в монастыре.

Элфрун растерялась и не знала, что сказать. Она уставилась на связку ключей – ларец с деньгами, сундук со специями, кладовая.

– Бери их. – Абархильд встряхнула ключи. – Твой отец ничего не понимает. В твоём возрасте на мне уже три года было все хозяйство, и я успела похоронить двух младенцев. – Абархильд искоса взглянула на стоявших сбоку мужчин. – *Amur Deo*. Расти. Здесь не о чем спорить.

Элфрун чувствовала себя так, будто ее ударили под дых. Но она не могла бросить вызов Абархильд, тем более на глазах у пастуха и стюарда, которые неотрывно смотрели на них. Да и хотела ли она это сделать? Мысли тарахтели в ее голове, словно сухой горох в горшке. Отец спланировал все иначе. Но отец уехал.

Впервые она начала осознавать, что для нее значит его отсутствие. Как он разгневается, когда вернется. Но, опять же, это был ее шанс.

Словно видя себя со стороны и до сих пор не веря в происходящее, она протянула руку и взяла связку ключей у бабушки. Ключи позвякивали друг о друга, когда она крепила кольцо к своему поясу.

Луда, потирая руки, сделал шаг вперед:

– Теперь нам, пастуху и мне, нужно услышать ваше слово. – После паузы он добавил: – Леди.

Луда обращается к ней уважительно? Ей по-прежнему было тяжело дышать, по телу от возбуждения пробегала нервная дрожь. Но ей нужно было соответствовать.

– Вы что-то не поделили? – Она пыталась подобрать правильные слова. Из-за чего могли схлестнуться эти двое? – Это как-то связано с окотом овец? Или со шкурами ягнят, с пергаментом? – Ей показалось или Хирел действительно дернулся при этих словах?

Но Луда перебил ее, поглаживая поочередно руки, словно натирая их потрескавшуюся кожу салом:

– Нет-нет, к овцам это никакого отношения не имеет. Семейный вопрос, вот и все. Формальность.

Элфрун, сидя так, что коленки были на уровне подбородка, смотрела на взрослых мужчин и чувствовала себя очень маленькой. Плащ отца висел на колышке совсем недалеко; если бы она надела его, это могло бы придать ей хоть немного авторитетности отца, но она боялась попросить подать его. Должно быть, она выглядела совсем ребенком – синее платье в заплатках, босые ноги, непокрытая голова. Если бы она могла надевать покрывало, как замужние женщины и вдовы, она выглядела бы старше, это придавало бы ей уверенности...

– Его дочка, – вдруг выпалил Хирел. – Я хочу ее.

– Сетрит? – Это было неожиданно и совсем не так серьезно, как рисовало ее воображение, так что Элфрун пришлось очень постараться, чтобы не рассмеяться.

– Нужно было раньше выдать ее замуж, – резко заметила Абархильд. – Это создание даже более ветреное, чем все остальные. Замужество станет для нее бременем и образумит ее, как это происходит со всеми нами.

Луда бросил настороженный взгляд на Абархильд, но когда он заметил, что Элфрун смотрит на него с любопытством, на его плотно сжатых губах появилась сдержанная улыбка.

– Она хорошая девочка, леди, и вам это известно. Помощница матери. И ее гордость. Такая умелая.

Если бы Элфрун слушала его, то могла бы кое с чем и не согласиться, но на самом деле она едва разбирала его слова. Мысли были заняты совсем другим: если Сетрит выйдет за Хирела, она уйдет жить к нему на пастуший хутор, расположенный в нескольких милях отсюда, на другом конце пастбища на склоне холма.

И в домике для женщин больше не станет Сетрит, с этим ее беспрестанным нашептыванием, с провокационным хихиканьем, с разговорами, мгновенно затихавшими, как только девушки замечали приближение Элфрун. Когда Сетрит уйдет, она сможет начать все с чистого листа. Быть дочерью Радмера достаточно тяжело и без дополнительных сложностей в виде злого языка Сетрит.

Но если она хочет, чтобы так и произошло, сделать это нужно было должным образом. Необходимо проявить участие, а не просто согласиться с этим; за последние несколько лет она уже не раз видела, как делал это ее отец. В таких вопросах действовали свои правила, и, к величайшему облегчению Элфрун, она их помнила.

– А невеста, она хочет этого?

Луда закивал:

– В противном случае нас бы тут не было.

– Я хотел сказать ей еще в середине лета, – подхватил Хирел, – но она тогда ушла. А теперь вот подвернулся удобный случай.

Элфрун кивнула. Отары спустились с пастбищ, пасутся по стерне ячменя на убранных полях и на лугах после второго укоса сена, удобряя почву навозом. И пастух теперь вправе спуститься с холмов и появиться в поместье.

Велико было искушение принять велеречивые слова Луды за чистую монету, просто

сказать «да», махнуть рукой и позволить этому случиться. Это могло вот-вот произойти, она чувствовала зуд в ладонях, приятное томление в солнечном сплетении, дыхание ее участилось от возбуждения. Как восхитительно, как *удобно* было бы услать Сетрит отсюда. Простым кивком она могла избавиться от власти этой девушки над собой.

Но разве бы ей самой понравилось, если бы ее судьба решалась без нее, за закрытыми дверями?

А она ведь исполняла роль своего отца. Все, что она делала, делалось от его имени.

И она должна была поступить правильно.

– Пойдите и приведите сюда невесту, – сказала она, стараясь спрятать свою робость за официальными фразами, высокомерным тоном и высоко поднятым подбородком.

Луда взглянул на Хирела, пожал плечами и захромал к выходу.

Время тянулось медленно. Высоко, между стропилами, громко жужжала попавшаяся в паутину муха. Элфрун не терпелось кое о чем спросить бабушку, но молчаливое присутствие громадного Хирела сдерживало ее. Он снял засаленную войлочную шапку и, тяжело и шумно дыша, мял ее в своих мясистых руках.

Если ей хоть на миг покажется, что Сетрит выходит замуж по принуждению, она сможет одним своим словом расстроить эту свадьбу.

И она сделает это.

Но вот появилась Сетрит; она оживленно и громко говорила, сияя улыбкой. Хирел явно был очарован и смотрел на нее безумно влюбленными глазами; многие из улыбок девушки предназначались ему, хотя от Элфрун не ускользнуло, что, когда Сетрит случалось взглянуть на своего отца, глаза ее сощуривались, а губы сжимались. Да и держаться она старалась от него подальше.

– Пойдем со мной, – сказала Элфрун, поднимаясь со скамеечки, сидя на которой она чувствовала себя в невыгодном положении. – Только Сетрит. На улицу.

У выхода Сетрит замялась, хотя во дворе никого не было.

– Пойдем, – раздраженно произнесла Элфрун. – Я на твоей стороне. Здесь нас никто не услышит. А теперь скажи мне, ты действительно хочешь выйти за пастуха?

Сетрит вскинула голову и с вызовом, дерзко посмотрела ей в глаза.

– Я бы и сама хотела это знать. Хирел спросил у отца, и отец сказал мне, что он этого хочет.

– Но сама-то ты что об этом думаешь? Ты не должна выходить за него, если тебе не хочется. И я не собираюсь тебя заставлять.

На щеках Сетрит появился стыдливый румянец.

– Я должна выйти за кого-то и хочу сделать это в самое ближайшее время.

Элфрун ошарашенно уставилась на нее:

– Так ты... ты что, ждешь ребенка?

– А тебе-то что? – Она зло прищурилась, и выражение лица у нее стало таким же, каким было, когда она смотрела на отца. – Почему ты не хочешь, чтобы я вышла за пастуха? Может, ты считаешь, что я недостаточно хороша для него?

– Что? С чего это ты взяла?

Сетрит мотнула головой, взмахнув светлыми косами.

– Я знаю, что ты обо мне думаешь. По тому, как ты смотришь на меня. Тебе все это доставляет удовольствие.

Как говорится, не в бровь, а в глаз.

– Ты все это придумала. Зачем это мне?.. – Но потом Элфрун сдалась: – Ладно, не обращай внимания. Выходи за него хоть завтра, мне-то какое дело!

Туури дважды обмотал канат вокруг дерева и закрепил его прочным узлом.

– Ты дежуришь.

Аули кивнула. Она уже послала двух людей за хворостом. Мир и Холми вычерпывали воду. Варри смачно зевнул, показывая все свои оставшиеся зубы.

Туури отправился вверх по тропе, разбрасывая ногами опавшие желтые березовые листья. Тропа вилась вдоль гребня возвышенности к уступу, на котором примостилась небольшая кирка. Вечно какие-то выдумки относительно места встречи! Он явился сюда день в день и даже час в час, как и обещал, но не было никаких гарантий, что те, кто ему заплатит, окажутся так же точны. И он не мог винить их за это. Помимо ветра и приливов, было еще много такого, из-за чего что-то могло пойти не так.

Люди, планирующие предательство, всегда уязвимы.

Нортумбрианцы здесь, на южном берегу Хамбера, в землях Линдси, никогда не могли рассчитывать на радушный прием. А люди, с которыми у него была назначена тут встреча, могли попасть в любую беду.

Пока он карабкался вверх, то, что казалось серебристо-серым пнем ясеня, вдруг развернулось и поднялось, превратившись в фигуру человека. Приглядевшись, он узнал Финна.

– Молодец.

Финн кивнул.

– Давно ждешь?

Финн пожал плечами:

– Два-три дня. Я пришел из Линкольна.

– Как дела?

– Хорошо. У меня есть серебро для вас. Я закопал его. И еще одна новая вещь.

Дальше они пошли рядом, и Финн старался шагать в ногу с более крупным капитаном. Больше они не обменялись ни словом, пока не показались насыпь вокруг кирки и ров перед нею.

– Ты уже виделся с ними? – спросил Туури.

Финн покачал головой. Когда они приблизились к дамбе, по которой можно было пройти через ров, он отстал на пару шагов. И так всегда робкий с виду, теперь он выглядел совсем уж подобострастным и замкнутым. Туури расправил плечи.

Но напускать на себя важный вид не потребовалось. Перед киркой стояли привязанные лошади, а двери, и южные и северные, были распахнуты. Их ждали, им были рады. Под осенним солнцем прихорашивались белые голуби.

Последовали обычные учтивые фразы, подали эль и медовуху; по разные стороны Северного моря многие слова звучали одинаково. Затем аббат Бартон оставил их, очень довольный подарком – посеребренными медными чашами с выгравированными изображениями виноградных лоз и причудливых зверей, – и собеседники перешли к делу.

Финн только наблюдал за этим со стороны, впитывая все, что слышал, – это уже стало его второй натурой.

– Вот Нортумбрия. – Туури вытянул вперед свою левую руку с расставленными пальцами, тыльной стороной кисти вверх. – Тут реки, – он указал на пространство между большим и указательным пальцем, – здесь Хамбер. Здесь Тис, – зазор между указательным и средним пальцем, – здесь Тайн, – просвет между средним и безымянным, – а вот тут Форт.

Лицо тучного мужчины расплылось и сморщилось от широкой улыбки.

– Тогда ваш мизинец – это земли Файфа, а Бартон расположился у основания большого пальца.

Шеи у него не было – сплошные жировые складки. Откуда у человека может взяться столько жира?

Последовала вспышка смеха, хохотали дольше и громче, чем заслуживала его шутка.

– Итак, скажите нам, где и когда. – Туури кивал, ожидая, когда утихнет веселье. – Мы можем пригнать вам три корабля.

– Шестьдесят человек? – На этот раз подал голос тихий мужчина с волосами серовато-коричневого, мышинного цвета.

Туури снова кивнул.

– А это будут подходящие люди? Они умеют сражаться?

Туури начал отвечать, но тучный перебил его:

– Если бы вы видели их, то не задавали бы таких вопросов! Плавание на таких лодках сплавивает людей, как ничто на свете. Они там все как родные. Парни из хороших семей, и умеют управляться с мечом. Но главное – это лодки. Остановимся пока на этом, а уж я замолвлю слово... – Он умолк, подмигнул и закивал.

– Это корабли, – спокойно сказал Туури. – Не лодки. Так сколько вы заплатите?

– Простите. Конечно корабли.

Человек с мышинными волосами сказал:

– Просим нас извинить, – и, выразительно посмотрев на них, кивнул на дверь.

– Ты знаешь, кто они такие?

Внутренний двор был со всех сторон защищен от ветра, и Финн чувствовал, как тело расслабляется под ласковыми лучами солнца. Он закрыл глаза, и перед ним разостлался красный туман прикрытых век; Финн прислушивался к воркованию голубей на крыше и чириканью воробьев. Но тут же открыл глаза, когда Туури сказал:

– Этого толстого я уже видел раньше. Думаю, в Хедебю.

– Ха. Да, трудно не заметить, даже с таким зрением, как у меня! Тилмон. Он семь лет жил в Дейнмарче. А второй – Элред. Этот хочет быть королем северного Хамбера.

– А что не так с их нынешним королем?

Туури пожал плечами и сплюнул.

– Да ничего, – ухмыльнулся он. – В смысле, все.

– Значит, всего три судна?

Последовала еще одна ухмылка, обнажившая выптербленные зубы.

– Хочу кое-что придержать в резерве.

– Не много для армии. Три корабля. Маловато, чтобы завоевать корону.

Туури цыкнул зубом:

– Они начнут с малого. Торопятся. Будут совершать набеги по всему побережью, выбирая места для удара, где это будет чувствительнее всего. Попытаются вынудить противника принять сражение. Так обычно и начинаются подобные дела.

В дверях появился слуга, жестаи приглашая их войти внутрь.

Тучный мужчина сказал:

– Мы с милордом принимаем ваши условия.

Они уселись поудобнее, намереваясь обговорить детали; обстановка стала неожиданно теплой. Финн наблюдал и слушал.

21

Абархильд подождала немного, потом вытянула руку и резко ткнула сомкнутыми пальцами Элфрун в ребра.

– Ой! Я же слушала!

Это была ложь лишь отчасти. День был долгим, хотя уже стоял октябрь и светлое время суток сократилось, долгим и еще более тяжелым оттого, что проходил он в обществе Луды за подсчетами и сопоставлением их жалких запасов зерна с тем количеством ртов, которое они должны были прокормить, включая домашних животных. И дело это было далеко не закончено. Миновало всего несколько недель после отъезда Радмера, а по ее ощущениям, прошла целая жизнь.

Ей казалось, что бабушка уже очень давно обосновалась в своем маленьком тесном бауэре, пристроенном к общему залу монастыря, где жили Хихред с парнями, а теперь еще и Фредегар. Этот иностранный священник, несмотря на свою холодность, стал здесь заметной фигурой, проводя все службы, в том числе и мессы. Ингельда они почти не видели. Он неделями пропадал в Йорке и даже пропустил шумную свадьбу Хирела и Сетрит, длившуюся день и ночь напролет.

Уже через несколько дней после отъезда отца Элфрун начала осознавать, что и наполовину не знает хозяйство Донмута, хотя раньше считала, что ей известно все. От всех этих мер, весов и прогнозов, воцеленные дощечки с которыми Луда выкладывал перед нею, голова шла кругом.

Абархильд начала снова:

– Но сказала Агнесса: «Я уже была обещана Владыке Вселенной, Он прекраснее солнца и звезд, и Он сказал, что никогда не оставит меня...»

Элфрун всегда любила рассказы бабушки про дев-мучениц – это было главным ее удовольствием долгими зимами, сколько она себя помнила. Про Луцию – в самый короткий день года; про Агнессу и ее ягнят – в конце января; про Агату, чье чудотворное покрывало смогло усмирить огнедышащую гору, – еще через полмесяца. А с отъездом отца в Рим эти истории обрели для нее новый смысл. Но этим вечером ей трудно было сосредоточить свое внимание на сюжете: он был слишком знаком, и вдобавок ее многое тревожило.

Сняв шерсть с чесальных гребней, она критически оглядела свою работу, потом свернула ее и сунула в корзинку.

– И не хмурься так. – Новый тычок в ребра. – Ветер мог поменяться.

Элфрун поморщилась.

– Тебе следует остаться ночевать здесь.

Элфрун покачала головой. Бауэр был маленьким, соломенный тюфяк – тонким, а бабушка громко храпела.

– Нет. Я вернусь в женский домик.

И это несмотря на то, что, как она догадывалась, девушки и женщины будут перешептываться у нее за спиной – как и все остальные в Донмуте, – гадая, примет ли она

правильные решения, которые помогут им пережить зиму. А зима уже маячила перед каждым, словно голодный волк, рыскающий в сумерках кругами вокруг отары овец. Урожай собрали меньший, чем им требовалось. Еды не доставало как людям, так и скоту. Она вздохнула:

– Завтра я должна встать пораньше. Нужно еще раз поговорить с Лудой.

Абархильд стукнула концом своего посоха по одному из камней, которыми был обложен очаг.

– Не нравится мне, что ты пойдешь домой в темноте одна.

– Но я всегда так хожу. И раньше, и сейчас.

– Но теперь ты уже не ребенок.

Элфрун сделала над собой усилие и не закатила глаза.

– Так ты думаешь, что меня похитят «морские волки»? – Она пошутила, но бабушка даже не улыбнулась.

– Я хочу, чтобы ты осталась здесь.

– Скоро взойдет луна. – Она поднялась, игнорируя ворчание Абархильд. – Ночь замечательная, бабушка. Не волнуйся за меня.

И действительно, уже показалась луна – первая полная луна после осеннего равноденствия; ее круглый и белый, словно церковный хлеб, диск лишь время от времени прикрывали уносимые ветром обрывки туч. Маленький бауэр бабушки в монастыре и женский домик в усадьбе разделяли три мили грязи и холода. Влажный осенний ветер дул с севера, из-за моря, и насквозь продувал и шерстяную одежду, и нижнюю рубаху, словно она шла голая. Пальцы на ногах уже занемели, и она, еще не пройдя и половины пути, уже зябко куталась в отцовский плащ и жалела, что не согласилась переночевать возле бабушкиного очага.

Лунный свет отражался в ряби беспокойной из-за ветра поверхности эстуария, когда она обогнула выступ холма и ее ноздри уловили желанный запах дымка далеких очагов их поместья. Она ускорила шаг. В женском домике сейчас тепло, ярко горит огонь, а на полу расположились на ночлег женщины. Как дочь своего отца, она займет свое обычное место возле очага, и никто не посмеет позариться на ее тюфяк. Она пригнула голову, сопротивляясь пронизывающему бризу, и поспешила к раскинувшейся на склоне холма большой роще ясеней, широко шагая по тропе и придерживаясь берега ручья.

Вдруг неподалеку заржала лошадь.

Элфрун мгновенно замерла на месте, подняла голову и прислушалась.

Снова ржание, более тихое.

Зная теперь, куда смотреть, она заметила очертания четырех или пяти лошадей, двигавшихся в лунном свете под прикрытием высоких и тонких стволов деревьев. Они без всадников? На спинах животных виднелись какие-то большие темные тюки. Непонятно... Что за таинственные – *трауи* – дела? И почему она так легкомысленно отнеслась к страхам бабушки?

Она отпрянула в тень, не смея даже дышать.

– Кто здесь? – послышался близкий шепот откуда-то снизу. – Элфрун? Это я, Атульф.

Она судорожно выдохнула:

– Так это наши лошади? Это *Хафок*?

Она двинулась вниз по склону на голос и едва не натолкнулась на Атульфу. Он как раз поднимался на ноги. С ним были еще парни – она разглядела в темноте несколько

припавших к земле фигур. Лиц она видеть не могла, но догадывалась, что среди них был Кудда.

– Как ты посмел взять Хафока? – Теперь, когда страх отступил, она начала злиться. Она споткнулась о сухую ветку и задела рукой бок одной из лошадей. – Они мокрые! – Ее вдруг осенило: – Теперь я знаю, где вы были! За рекой, в Иллингхэме. Ты идиот, Атульф. И не можешь со мной не согласиться! Ты никогда не посмел бы это сделать, будь здесь мой отец. – Она подняла руку, чтобы ударить его, но он схватил ее за запястье и отвел руку в сторону.

– Об этом не беспокойся. – В голосе его слышалось нетерпение. – Лучше посмотри, что мы добыли. Пощупай. – Она сопротивлялась, но он все же притянул ее к себе и прижал ее руку к большому темному тюку на спине одной из лошадей. Пальцы ее нащупали грубую мешковину. Она провела рукой вниз, чувствуя, как в мешке подается и пересыпается что-то знакомое.

– Ячмень? – Она никогда не слышала, чтобы кто-то воровал ячмень. Скот – другое дело, но на это Атульф точно не пошел бы...

Голос его звенел от возбуждения.

– Десять мешков.

– Вы кого-нибудь видели? – Человека-быка, первым делом она подумала про него. И того парня с великолепной гнедой кобылой.

Но он покачал головой:

– Мы все очень быстро сделали. Выбрали момент. При таком отливе речку легко перейти вброд. Кудда много раз делал это, следил за ними много дней. – Он похлопал одного из присевших парней по плечу, и тот поднял голову; серебристый лунный свет осветил вытянутое лицо и белокурые волосы – это был Кудда. – Это он рассказал нам, что их лорд уехал, вот мы и провернули дельце.

Кудда пошевелился, зашелестел опавшими листьями и пробормотал что-то невнятное, но Элфрун по интонации поняла: он очень доволен тем, что Атульф выделил его таким вот образом.

– Но ведь они хватятся зерна. Начнут искать...

– Ну и пусть. – В голосе Атульфа сквозило презрение. – Мы готовы. А они могут даже не заметить пропажи. У них амбары полные, в отличие от наших. У них даже крысы сытые и жирные. – Он немного понизил голос и, взяв ее за плечо, развернул лицом к себе. – А ты что об этом думаешь, Элфрун? Правильно мы поступили?

Десять мешков не восполнят недостаток, а ведь именно над этим ломают головы они с Лудой. Но это зерно все же какое-то подспорье.

– Думаю, вы все сделали правильно, – неохотно отозвалась Элфрун. Но она все равно почему-то продолжала злиться и теперь пыталась выяснить причину этого. – Не знаю, о чем вы думали, оставляя лошадей стоять мокрыми на ветру.

– Но мы только...

– Не может быть никаких «мы только»! – Она вырвала руку, и голос ее теперь звучал весьма резко: – Что об этом сказано в Священном Писании? Твой отец наверняка это знает! «Праведный печется и о жизни скота своего»^[32], так? Отведите их в конюшню и разотрите хорошенько. И никогда больше не смей брать Хафока!

– Ты не можешь приказывать мне! – Голос его сорвался, и она поняла, что он обиделся. Его всегда легко было довести до слез.

Что ж, пусть похнычет; а то, что это случилось на глазах у его друзей, – тем лучше. Пока

она корпела взаперти над всеми этими воощенными дощечками с записями Луды, он пропадал с парнями в лесу и строил планы относительно этого набега. Почему все удовольствие должно доставаться только ему?

– Конечно могу. Ведь это я повелительница Донмута, не ты. – Оттолкнув своего кузена в сторону, она потянула Хафока за поводья, и большой конь послушно пошел за нею следом.

22

Танкрад стоял посреди большого, тускло освещенного пространства, впитывая в себя все великолепие красок и мерцающих свечей. Он не помнил, чтобы бывал в этой церкви раньше, хотя ему говорили, что его здесь крестили. Со стен на него взирали лики святых, и казалось, что их большие сияющие глаза видят его насквозь. В лесах и на полях Иллингхэма, на охоте, в седле на своей Блисе, занимаясь борьбой с Адданом и Дене или фехтуя с ними на деревянных мечах, он находился в своей стихии. А здесь он чувствовал себя рыбой, оставшейся на прибрежной полосе после отлива, либо котенком, беспомощно барахтающимся в ведре с водой.

Крестили его давно, еще в младенчестве, тогда их семья была в милости у короля. Ему было десять, когда отца отправили в изгнание, но годы перед этой ссылкой были беспокойными. Ему запомнились постоянная спешка, походы, непрерывное движение. А затем были семь лет где-то между Франкией и Дейнмарчем – жизнь, построенная на обещаниях, угрозах и ожидании благотворительности.

Никто не станет доверять изменнику, и уже неважно, насколько полезным его могут считать.

А на сына изменника, само собой разумеется, падала тень отца.

Танкрад сделал шаг вперед. Здесь ощущался незнакомый запах, и сладковатый, и едкий, а в воздухе висела сероватая дымка. Впереди слышалось песнопение, время от времени голоса взмывали вверх.

Стражник на больших воротах сказал ему, что человек, которого он ищет, должен быть где-то здесь, но теперь Танкрад нервничал, боясь, что его присутствие сочтут помехой.

Подобных церквей в Дейнмарче не было.

Его родители проживали у доверенного лица фризийцев в торговом квартале. Приглушенные разговоры и косые взгляды. Он не выдерживал этого. И никто не обращал на него внимания, когда он выскальзывал из дому.

Песнопение закончилось: даже он смог различить заключительное «аминь». Из-за каменной перегородки, украшенной резьбой, начали выходить темные фигуры в рясах. Он поймал одного монаха за рукав.

– Простите...

Это оказался юноша, моложе его самого. Услышав заданный ему вопрос, он усмехнулся:

– Поищите в библиотеке. Вон та дверь, на противоположной стороне двора. Как раз напротив.

Каменные строения под соломенными крышами, с побеленными и красиво отделанными стенами. Полумрак и дым очага. Дверь была приоткрыта; он толкнул ее, и она открылась шире на бесшумных железных петлях. В комнате было множество сундуков и несколько печатных прессов. Два человека сидели спиной к нему на табуретах, и перед ними на наклонной подставке лежала раскрытая книга. Горело с полдюжины свечей, от которых

исходил аромат меда. Один из сидящих, тот, что был повыше и пошире в плечах, читал другому на латыни. Танкрад понятия не имел, что могут означать все эти слова, но ритм и мелодика языка действовали на него завораживающе.

Подождав немного в надежде, что его присутствие заметят, он поднял руку и постучал по косяку двери.

Они одновременно обернулись; вид у обоих был почти виноватый.

– Да? – Это сказал тот, что был стройнее и казался более резким; на узком, вытянутом лице его читалось раздражение.

Танкрад почтительно склонил голову:

– Отец Ингельд?

Второй мужчина улыбнулся ему.

– Я все тут сам уберу, Вульфхер. В любом случае, уже слишком темно для чтения.

Танкрад отступил в сторону, и человек с узким лицом прошел мимо него к двери, бросив напоследок через плечо:

– Мы завтра сможем почитать еще.

– Завтра я должен отправляться в Донмут, – сказал второй мужчина и жестом пригласил Танкрада пройти в комнату. – Чем я могу быть вам полезен?

Танкрад взглянул на лежащую на подставке раскрытую книгу. Она была огромная; пергамент ее страниц был невероятно гладким, как поверхность налитых в миску сливок, а маленькие черные значки напоминали каких-то насекомых, упавших туда и утонувших. Он никогда раньше не видел книг вблизи.

– Это Библия?

– Это? – Священник рассмеялся. – Нет, это «*Historia Naturalis*» – «Естественная история» Плиния. Лучший путеводитель по всем чудесам Божьего мира. Я читал милорду архиепископу про мантикору – чудовище с тремя рядами зубов, песня которого напоминает что-то среднее между звучанием трубы и свирели.

Танкрад смущенно кивнул. Теперь, когда он нашел нужного человека, он не знал, с чего начать разговор.

Священник ждал, вопросительно подняв бровь, а потом спросил:

– Мы встречались?

Танкрад покачал головой:

– Со мной – нет, но моего отца вы знаете. Я Танкрад из Иллингхэма. – Он ждал его реакции, следил за изменением выражения красивого подвижного лица собеседника. Он предполагал, что ставни этой души могут сразу закрыться для него, но карие глаза продолжали смотреть на него прямо и открыто.

– Ну и?.. – Священник бросил взгляд на дверь. – Возможно, вы хотите исповедоваться? Но знаете, в этой церкви есть гораздо более опытные исповедники, чем я.

Танкрад имел весьма смутное представление о том, что имел в виду этот человек, но, несмотря на это, решительно помотал головой.

– Мне нужен ваш совет.

– Вам бы тогда...

– Но не совет священника. – Он говорил все увереннее. – Ваш совет. Совет Ингельда из Донмута.

Ингельд откликнулся не сразу, наконец он кивнул:

– Продолжайте.

– Радмер уехал. Кто принимает решения в его отсутствие?

– Его дочь. Ее бабушка отошла от дел, чтобы поселиться вместе со мной в монастыре. –

Губы священника пренебрежительно скривились, словно он находил в этом нечто забавное.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Скрипторий – мастерская рукописной книги, преимущественно в монастырях. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Аве (Ave) – приветствие ангела, адресованное Марии (Аве, Мария – Радуйся, Мария), перед тем, как он сообщил ей, что она зачала сына. Обожаящее загадки средневековое воображение, радостно отраженное в этой фразе, противопоставляет ее Еве: благодаря Еве мы пали, благодаря силе Марии мы искупили грехи. (*Примеч. авт.*)

Год Господень (лат.).

Календы – в древнеримском календаре название первого дня каждого месяца.

В сторону Гипербореи – вслед за северным ветром. (*Примеч. авт.*)

Элмет – королевство бриттов в районе Лидса, которое просуществовало до XVII века; в наши дни это слово сохранилось в региональном справочнике в названиях таких населенных пунктов, как Шерберн-ин-Элмет и Барвик-ин-Элмет. *(Примеч. авт.)*

Датские границы, Дейнмарч (Danemarch) – Дания, точнее, граница современных Дании и Германии. (*Примеч. авт.*)

Хедебю (Hedeby) – в VIII–XI веках крупный торговый центр на побережье у германо-датской границы. (*Примеч. авт.*)

Франкия (Frankia) – условное название государства в Западной и Центральной Европе, существовавшего с V по IX век на территории Западной римской империи (современные Франция, Голландия, Германия, Австрия, Швейцария и северная Италия).

Дейра (Deira) – южная Нортумбрия; обычно считается, что это территория, ограниченная рекой Хамбер с севера и рекой Тис на востоке. И для Берниции, и для Дейры их западные земли и границы определены менее четко, чем восточные. (*Примеч. авт.*)

Кильсон – продольный брус, накладываемый поверх киля внутри судна.

Хамбер – эстуарий рек Уз и Трент на восточном побережье Англии.

Кирка – шотландская церковь (*разг.*).

Псалтырь, 51: 15.

Облаты – в христианском монашестве частные лица или сообщества людей, которые посвящают свою жизнь служению Богу, следуя определенной монашеской традиции, но не становясь при этом монахами.

Фарлонг — единица длины в системе английских мер, используется для измерения расстояния на скачках; 1 фарлонг равен 220 ярдам или 201,168 м.

Трауи (*trowie*) – слово из диалекта жителей Оркнейских островов (Шотландия), используемое для обозначения чего-то таинственного, мистического (см. «Историческую справку» в конце книги).

Бауэр (bower) – личное жилище; от староанглийского *bur*. В более поздние времена это слово использовалось в значении сугубо женской отдельной комнаты, но в англосаксонском английском обычно было нейтральным в отношении рода владельца. (*Примеч. авт.*)

Хеддерн (heddern) – небольшое внутреннее помещение, используемое как кладовая. На самом деле сейчас точно неизвестно, запиралось оно или нет. (*Примеч. авт.*)

«Розы румянцем таким меж лилий цветущих горят...» – цитата из «Любовных элегий» Овидия (пер. с латыни С. Шервинского).

«Дикий вепрь целиком вонзил клыки свои ему в пах...» – цитата из «Метаморфоз» Овидия (пер. с латыни С. Шервинского).

Острова блаженных, или Блаженные острова – мифическая область, сакральная заморская страна где-то на краю света или даже в ином мире.

Так называемый «пенс Петра», или лепта святого Петра – ежегодная обязательная дань в пользу Папы, взимавшаяся в некоторых странах; в Англии с VIII века католики платили по 1 пенни с дома.

Настоятельница (лат.).

Сегодня мы назвали бы его перевалом Сен-Бернар в Альпах. (Примеч. авт.)

...И раз Бог с такой роскошью одевает полевые травы, которые сегодня есть, а завтра будут брошены в печь, то разве не оденет Он вас, маловеров, еще лучше? (Евангелие от Матфея, 6: 30).

«Позолотить лилию» – пытаться улучшить или украсить что-либо, не нуждающееся в улучшении или украшении.

По легенде Господь проклял воробья за предательство Христа (птица выдала его своим чириканьем), связав ему ноги невидимыми оковами; поэтому воробей не может ходить, а только скачет.

Иды – в древнеримском календаре так назывался день в середине месяца. На 15-е число иды приходятся в марте, мае, июле и октябре, на 13-е – в остальных восьми месяцах.

Префекти (prefecti) – старшие королевские чиновники и распорядители.

Галево, или галева – элемент ручного ткацкого станка.

Книга притчей Соломоновых, 12: 10.